

кн. Н.С. Трубецкой

ЕВРОПА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

София, 1920

Не без внутреннего волнения выпускаю я в свет предлагаемую работу. Мысли, высказанные в ней, сложились в моем сознании уже более 10 лет тому назад. С тех пор я много разговаривал на эти темы с разными людьми, желая либо проверить себя, либо убедить других. Многие из этих разговоров и споров оказались весьма полезными для меня, так как заставили меня более детально продумать и углубить мои мысли и аргументы. Но основные мои положения остались без изменения. Конечно, случайными разговорами ограничиться было невозможно, и для того, чтобы проверить правильность защищаемых мною мыслей, их надо было подвергнуть более широкому обсуждению, т.е. опубликовать их. Этого я до сих пор не сделал. Не делал же я этого потому, что особенно первое время из многочисленных разговоров я вынес впечатление, что большинство людей, с которыми приходилось встречаться, просто не понимают моих мыслей. И не понимают не потому, чтобы я выражался неудобопонятно, а потому, что для большинства европейски образованных людей эти мысли почти органически неприемлемы, как противоречащие каким-то непоколебимым психологическим устоям, на которых покоится европейское мышление. Меня считали любителем парадоксов, мои рассуждения – оригинальничаньем. Нечего и говорить, что при таких условиях спор утрачивал для меня всякий смысл и пользу, ибо спор может быть продуктивен лишь тогда, когда обе стороны взаимно понимают друг друга и говорят на одном языке. А т.к. я в то время встречал почти исключительно непонимание, то я не считал своевременным обнародование своих мыслей, выжидая более благоприятного момента. Если же теперь я все-таки решаюсь выступить печатно, то это потому, что за последнее время я, среди своих собеседников, все чаще и чаще встречаю не только понимание, но и согласие с моими основными положениями. Оказывается, что многие уже пришли к тем же выводам, что и я, совершенно самостоятельно. Очевидно, в мышлении многих образованных людей произошел некоторый сдвиг. Великая война, а особенно последовавший за нею “мир”, который и до сих пор приходится писать в кавычках, поколебали веру в “цивилизованное человечество” и раскрыли глаза многим. Мы, русские, конечно находимся в особом положении. Мы были свидетелями того, как внезапно рухнуло то, что мы называли “Русскою культурой”. Многих из нас поразила та быстрота и легкость, с которой это совершилось, и многие задумались над причинами этого явления. Быть может, предлагаемая брошюра поможет кое-кому из моих соотечественников разобраться в своих собственных размышлениях по этому поводу. Некоторые мои положения можно было бы обильно иллюстрировать примерами из русской истории и русской действительности. От этого изложение стало бы, может быть, занимательнее и живее. Но ясность общего плана от таких отступлений, конечно, пострадала бы. А между тем, предлагая читателю сравнительно новые мысли, я более всего дорожил тем, чтобы представить их в наиболее ясной и последовательной форме. К тому же мои размышления касаются не только русских, но и всех других народов, так или иначе воспринявших европейскую культуру, не будучи сами ни романцами, ни германцами по происхождению. И если я выпускаю свою книгу в свет на русском языке, так это просто потому, что своя рубашка ближе к телу, и что для меня более всего важно, чтобы мои мысли были восприняты и усвоены именно моими соотечественниками.

Предлагая свои мысли вниманию читателей, я тем самым желал бы поставить перед этими читателями проблему, которую каждый *должен* разрешить для себя лично. Одно из двух. Или защищаемые мною мысли *ложны*, – но тогда их нужно опровергнуть логически, или эти мысли *истинны* – но тогда надо сделать из них практические выводы.

Признание правильности тех положений, которые изложены в настоящей брошюре, обязывает всякого к дальнейшей работе. Приняв эти положения, их надо развить и конкретизировать в приложении к действительности, пересмотреть с этой точки зрения целый ряд вопросов, выдвинутых и выдвигаемых жизнью. “Переоценкой ценностей”

так или иначе заняты сейчас очень многие. Для тех, кто примет защищаемые мной положения, эти последние явятся одним из указаний на то направление, в котором должна вестись эта переоценка. Не подлежит сомнению, что та работа, как теоретическая, так и практическая, которая вытекает из принятия основных положений, должна быть работой коллективной. Бросить определенную мысль, поднять известное знамя – может один. Но разрабатывать целую систему, основанную на этой мысли, прилагать эту мысль на практике – должны многие. К этой-то коллективной работе я и призываю всех тех, кто разделяет мои убеждения. Что такие люди есть, – в этом я убедился, благодаря нескольким случайным встречам. Им нужно только сплотиться для дружной совместной работы. И если моя брошюра послужит толчком или средством к этому объединению, я буду считать свою цель достигнутой.

С другой стороны известные моральные обязательства возлагаются и на тех, кто отвергнет мои положения, как ложные. Ведь если защищаемые мною мысли действительно ложны, то они *вредны* и нужно постараться опровергнуть их; а т.к. (смею надеяться) доказаны они логически, то не менее логически они должны быть и опровергнуты. Это необходимо сделать ради спасения от заблуждения тех, кто в эти мысли поверил. Сам автор, без всякого сожаления, навсегда отбросит от себя эти неприятные, беспокойные мысли, которые уже более 10-ти лет преследуют его, если только кто-нибудь логически докажет ему, что они не верны.

I

Позиции, которые может занять каждый европеец по отношению к национальному вопросу, довольно многочисленны, но все они расположены между двумя крайними пределами: шовинизмом с одной и космополитизмом с другой стороны. Всякий национализм есть как бы синтез элементов шовинизма и космополитизма, опыт примирения этих двух противоположностей.

Не подлежит сомнению, что европейцу шовинизм и космополитизм представляются именно такими противоположностями, принципиально, в корне отличными одна от другой точками зрения.

Между тем, с такой постановкой вопроса согласиться невозможно. Стоит пристальнее всмотреться в шовинизм и в космополитизм, чтобы заметить, что принципиального, коренного различия между ними нет, что это есть не более, как две ступени, два различных аспекта одного и того же явления.

Шовинист исходит из того априорного положения, что лучшим народом в мире является именно его народ. Культура, созданная его народом, лучше, совершеннее всех остальных культур. Его народу одному принадлежит право первенствовать и господствовать над другими народами, которые должны подчиниться ему, приняв его веру, язык и культуру и слиться с ним. Все, что стоит на пути к этому конечному торжеству великого народа, должно быть сметено силой. Так думает шовинист, и, согласно с этим, он и поступает.

Космополит отрицает различия между национальностями. Если такие различия есть, они должны быть уничтожены. Цивилизованное человечество должно быть едино и иметь единую культуру. Нецивилизованные народы должны принять эту культуру, приобщиться к ней и, войдя в семью цивилизованных народов, идти с ними вместе по одному пути мирового прогресса. Цивилизация есть высшее благо, во имя которого надо жертвовать национальными особенностями.

В такой формулировке шовинизм и космополитизм, действительно, как будто резко отличаются друг от друга. В первом господство постулируется для культуры одной этнографически-антропологической особи, во втором – для культуры сверх этнографического человечества.

Однако посмотрим, какое содержание вкладывают европейские космополиты в термины “цивилизация” и “цивилизованное человечество”? Под “цивилизацией” понимают ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы. Под цивилизованными народами – прежде всего опять-таки тех же романцев и германцев, а затем и те другие народы, которые приняли европейскую культуру.

Таким образом мы видим, что та культура, которая по мнению космополитов должна господствовать в мире, упразднив все прочие культуры, есть культура такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, о господстве которой мечтает шовинист. Принципиальной разницы тут никакой нет. В самом деле, национальное, этнографически-антропологическое и лингвистическое единство каждого из народов Европы является лишь относительным. Каждый из этих народов представляет собою соединение разных более мелких этнических групп, имеющих свои диалектические, культурные и антропологические особенности, но связанных друг с другом узами родства и общей истории, создавшей некий общий для всех них запас культурных ценностей. Таким образом, шовинист, провозглашая свой народ венцом создания и единственным носителем всех возможных совершенств, на самом деле является поборником целой группы этнических единиц. Мало того, ведь шовинист хочет, чтобы и другие народы слились с его народом, утратив свою национальную физиономию. Ко всем представителям других народов, которые уже так поступили, утратили свой национальный облик и усвоили язык, веру и культуру его народа, шовинист будет относиться, как к своим людям, будет восхвалять те вклады в культуру его народа, которые будут сделаны этими людьми, конечно только, если они верно усвоили тот дух, который ему симпатичен, и сумели вполне отрешиться от своей прежней национальной психологии. К таким инородцам, ассимилировавшимся с господствующим народом, шовинисты всегда относятся несколько подозрительно, особенно если их приобщение совершилось не очень давно, но принципиально их ни один шовинист не отвергает: мы знаем даже, что среди европейских шовинистов есть немало людей, которые своими фамилиями и антропологическими признаками ясно показывают, что по происхождению они вовсе не принадлежат к тому народу, господство которого они так пламенно проповедуют.

Если мы возьмем теперь европейского космополита, то увидим, что, по существу, он не отличается от шовиниста. Та “цивилизация”, та культура, которую он считает наивысшей и перед которой, по его мнению, должны стушеваться все прочие культуры, тоже представляет собою известный запас культурных ценностей, общий нескольким народам, связанным друг с другом узами родства и общей историей. Как шовинист отвлекается от частных особенностей отдельных этнических групп, входящих в состав его народа, так и космополит отбрасывает особенности культур отдельных романо-германских народов и берет только то, что входит в их общий культурный запас. Он тоже признает культурную ценность за деятельностью тех не-романогерманцев, которые вполне восприняли цивилизацию романогерманцев, отбросив от себя все, что противоречит духу этой цивилизации и променяв свою национальную физиономию на общероманогерманскую. Точь в точь, как шовинист, считающий “своими” тех инородцев и иностранцев, которые сумели вполне ассимилироваться с господствующим народом! Даже та враждебность, которую испытывают космополиты по отношению к шовинистам и вообще к тем началам, которые обособляют культуру отдельных романогерманских народов, даже эта враждебность имеет параллель в мирозерцании шовинистов. Именно, шовинисты всегда враждебно настроены ко всяким попыткам сепаратизма, исходящим из отдельных частей их народа. Они стараются стереть, затушевать все те местные особенности, которые могут нарушить единство их народа.

Таким образом, параллелизм между шовинистами и космополитами оказывается полным. Это по существу одно и то же отношение в культуре той этнографически-

антропологической единицы, к которой данный человек принадлежит. Разница лишь в том, что шовинист берет более тесную этническую группу, чем космополит; но при этом шовинист все же берет группу не вполне однородную, а космополит, со своей стороны, все же берет определенную этническую группу.

Значит, разница только в степени, а не в принципе.

При оценке европейского космополитизма надо всегда помнить, что слова “человечество”, “общечеловеческая цивилизация” и прочее являются выражениями крайне неточными и что за ними скрываются очень определенные этнографические понятия. Европейская культура не есть культура человечества. Это есть продукт истории определенной этнической группы. Германские и кельтские племена, подвергшиеся в различной пропорции воздействию римской культуры и сильно перемешавшиеся между собой создали известный общий уклад жизни из элементов своей национальной и римской культуры. В силу общих этнографических и географических условий они долго жили одною общей жизнью, в их быте и истории, благодаря постоянному общению друг с другом, общие элементы были настолько значительны, что чувство романогерманского единства бессознательно всегда жило в них. Со временем, как у столь многих других народов, у них проснулась жажда изучать источники их культуры. Столкновение с памятниками римской и греческой культуры вынесло на поверхность идею сверхнациональной, мировой цивилизации, идею свойственную грекоримскому миру. Мы знаем, что эта идея была основана опять-таки на этнографически-географических причинах. Под “всем миром” в Риме, конечно, разумели лишь *Orbis terrarum*, то есть народы, населявшие бассейн Средиземного моря или тянувшиеся к этому морю, выработавшие в силу постоянного общения друг с другом ряд общих культурных ценностей и, наконец, объединившиеся благодаря нивелирующему воздействию греческой и римской колонизации и римского военного господства. Как бы то ни было, античные космополитические идеи сделались в Европе основой образования. Попав на благоприятную почву бессознательного чувства романогерманского единства, они и породили теоретические основания так называемого европейского “космополитизма”, который правильнее было бы называть откровенно *общероманогерманским шовинизмом*.

Вот реальные исторические основания европейских космополитических теорий. Психологическое же основание космополитизма – то же самое, что и основание шовинизма. Это разновидность того бессознательного предрассудка, той особой психологии, которую лучше всего назвать *эгоцентризмом*. Человек с ярко выраженной эгоцентрической психологией бессознательно считает себя центром вселенной, венцом создания, лучшим, наиболее совершенным из всех существ. Из двух других существ, то, которое к нему ближе, более на него похоже, – лучше, а то, которое дальше отстоит от него, – хуже. Поэтому, всякая естественная группа существ, к которой этот человек принадлежит, признается им самой совершенной. Его семья, его сословие, его народ, его племя, его раса – лучше всех остальных, подобных им. Точно также, та порода, к которой он принадлежит, именно, человеческая порода – совершеннее всех других видов млекопитающих, сами млекопитающие – совершеннее других позвоночных животных, животные, в свою очередь – совершеннее растений, а органический мир – совершеннее неорганического. От этой психологии, в том или ином объеме, никто не свободен. Наука сама еще не вполне освободилась от нее и всякое завоевание науки на пользу к освобождению от эгоцентрических предрассудков дается с величайшими затруднениями.

Эгоцентрическая психология проникает все мирозерцание весьма многих людей. Вполне освободиться от нее редко кому удастся. Но крайние ее проявления легко заметны, нелепость их очевидна, и потому они обыкновенно вызывают осуждение, протест или насмешки. Человек, уверенный в том, что он всех умнее, всех лучше, и что все у него хорошо, подвергается насмешкам окружающих, а если он при этом

агрессивен, получает и заслуженные щелчки. Семьи, наивно убежденные в том, что все их члены гениальны, умны и красивы, обыкновенно служат посмешищем для своих знакомых, рассказывающих о них забавные анекдоты. Такие крайние проявления эгоцентризма редки и обыкновенно встречают отпор. Иначе обстоит дело, когда эгоцентризм распространяется на более широкую группу лиц. Здесь отпор тоже обыкновенно имеется, но сломить такой эгоцентризм труднее. Чаще всего дело разрешается борьбой двух эгоцентрически настроенных групп при чем победитель остается при своем убеждении. Это имеет место, например, при классовой или социальной борьбе. Буржуазия, свергающая аристократию, столь же уверена в своем превосходстве над всеми прочими сословиями, как и свергнутая ею аристократия. Пролетариат, борющийся с буржуазией, тоже считает себя “солью земли”, лучшим из всех классов народа. Впрочем, тут эгоцентризм все-таки ясен, и люди с более сознательной головой, более “широкие”, умеют обыкновенно возвышаться над этими предрассудками. Труднее освободиться от тех же предрассудков, когда дело идет об этнических группах. Здесь люди оказываются чуткими к пониманию истинной сущности эгоцентрических предрассудков далеко не в равной мере. Многие пруссаки-пангерманцы резко осуждают своих единоплеменников пруссаков, превозносящих прусский народ перед всеми другими немцами, и считают их “квасной патриотизм” смешным и узким. Вместе с тем, положение, что немецкое племя в целом есть наивысшее достижение, цвет человечества – не вызывает в их уме никакого сомнения и до романогерманского шовинизма, так называемого космополитизма, они не могут подняться. Но пруссак-космополит одинаково возмущается своим соотечественником-пангерманцем, клеймит его направление как узкий шовинизм, а сам не замечает, что он сам такой же шовинист, только не немецкий, а общероманогерманский. Таким образом, здесь дело только в степени чуткости; один немного сильнее чувствует эгоцентрическую основу шовинизма, другой немного слабее. Во всяком случае, чуткость европейцев по этому вопросу весьма относительна. Дальше так называемого космополитизма, т.е. романо-германского шовинизма, редко кто поднимается. Европейцев же, которые признавали бы культуры так называемых “дикарей” равноценными с культурой романо-германской – таких европейцев мы не знаем вовсе. Кажется, их просто нет.

* * *

Из предыдущего совершенно ясно, как должен относиться добросовестный романогерманец к шовинизму и к космополитизму. Он должен сознать, что как тот, так и другой основаны на эгоцентрической психологии. Должен сознать, что эта психология есть начало нелогическое, а потому не может служить базой для какой-либо теории. Мало того, ему нетрудно понять, что эгоцентризм по существу антикультурен и антисоциален, что он препятствует общежитию в широком смысле слова, т.е. свободному общению всяких существ. Ясно должно быть всякому, что тот или иной вид эгоцентризма может быть оправдан только силой, что, как сказано выше, он есть всегда удел лишь победителя. Потому-то и не идут европейцы дальше своего общероманогерманского шовинизма, что силой победить любой народ можно, но все романогерманское племя в своем целом настолько физически сильно, что его никто силой не победит.

Но лишь только все это дойдет до сознания предполагаемого нами чуткого и добросовестного романогерманца, как в его душе сейчас же произойдет коллизия. Вся его духовная культура, все его мирозерцание основаны на вере в то, что бессознательная душевная жизнь и все предрассудки, основанные на этой душевной жизни, должны уступать место перед указаниями разума, логики, что только на логических научных основаниях можно строить какие-либо теории. Все его

правосознание основано на отвержении тех начал, которые препятствуют свободному общению между людьми. Вся его этика отвергает решение вопросов грубой силой. И вдруг оказывается, что космополитизм основан на эгоцентризме! Космополитизм, эта вершина романогерманской цивилизации, покоится на таких основаниях, которые коренным образом противоречат всем основным лозунгам этой цивилизации. В основе космополитизма, этой религии общечеловеческой, оказывается антикультурное начало – эгоцентризм. Положение трагическое, но выход из него только один. Добросовестный романогерманец должен навсегда отказаться как от шовинизма, так и от, так называемого, космополитизма, а следовательно и от всех тех взглядов на национальный вопрос, которые занимают среднее положение между этими двумя крайними точками.

Но какое положение по отношению к европейскому шовинизму и космополитизму должны занять не-романогерманцы, представители тех народов, которые не участвовали с самого начала в создании так называемой европейской цивилизации?

Эгоцентризм заслуживает осуждения не только с точки зрения одной европейской романогерманской культуры, но и с точки зрения всякой культуры, ибо это есть начало антисоциальное, разрушающее всякое культурное общение между людьми. Поэтому, если среди не-романогерманского народа имеются шовинисты, проповедующие, что их народ – народ избранный, что его культуре все прочие народы должны подчиниться, то с такими шовинистами следует бороться всем их единоплеменникам. Но как быть, если в таком народе появятся люди, которые будут проповедовать господство в мире не своего народа, а какого-нибудь другого, иностранного народа, своим же соплеменникам будут предлагать во всем ассимилироваться с этим “мировым народом”. Ведь в такой проповеди никакого эгоцентризма не будет, – наоборот, будет высший эксцентризм. Следовательно, осудить ее совершенно так же, как осуждается шовинизм – невозможно. Но, с другой стороны, разве сущность учения не важнее личности проповедника? Если бы господство народа А над В проповедовал представитель народа А, это было бы шовинизмом, проявлением эгоцентрической психологии, и такая проповедь должна была бы встречать законный отпор как среди В, так и среди А. Но неужели все дело совершенно изменится, лишь только к голосу представителя народа А присоединится представитель народа В? - Конечно нет; шовинизм останется шовинизмом. Главным действующим лицом во всем этом предполагаемом эпизоде является, конечно, представитель народа А. Его устами говорит воля к порабощению, истинный смысл шовинистических теорий. Наоборот, голос представителя народа В, может быть, и громче, но, по существу, менее значителен. Представитель В лишь поверил аргументу представителя А, уверовал в силу народа А, дал увлечь себя, а, может быть, и просто был подкуплен. Представитель А ратует за себя, представитель В – за другого: устами В, в сущности, говорит А, и поэтому мы всегда вправе рассматривать такую проповедь, как тот же замаскированный шовинизм.

Все эти рассуждения, в общем, довольно бесцельны. Такие вещи не стоит долго и логически доказывать. Всякому ясно, как бы он отнесся к своему соплеменнику, если бы тот стал проповедовать, что его народу следует отречься от родной веры, языка, культуры и постараться ассимилироваться с соседним народом – скажем, с народом X. Всякий, конечно, отнесся бы к такому человеку либо как к сумасшедшему, либо как к одураченному народом X типу, утратившему всякое национальное самолюбие, либо, наконец, как к эмиссару народа X, присланному вести пропаганду за соответствующее вознаграждение. Во всяком случае, за спиной этого господина, всякий, конечно, заподозрил бы шовиниста из народа X, руководящего сознательно или бессознательно его словами. Наше отношение к такой проповеди определялось бы отнюдь не тем, что она исходит от соотечественника: мы бы смотрели на нее непременно, как на исходящую от того народа, господство которого в данном случае проповедуется. Что наше отношение к подобной проповеди не может не быть самым отрицательным, в этом сомневаться не приходится. Ни один нормальный народ в мире, особенно народ

организованный в государство, не может добровольно допустить уничтожения своей национальной физиономии во имя ассимиляции, хотя бы с более совершенным народом. На шовинистические домогательства иностранцев всякий уважающий себя народ ответит вместе с Леонидом спартанским: “приди и возьми” и будет отстаивать свое национальное существование с оружием в руках, хотя бы поражение было неминуемо.

Все это кажется очевидным, а между тем в мире есть масса фактов, противоречащих всему этому. Европейский космополитизм, который, как мы видели выше, есть ничто иное, как общероманогерманский шовинизм, распространяется среди нероманогерманских народов с большою быстротою и с весьма незначительными затруднениями. Среди славян, арабов, турок, индусов, китайцев и японцев таких космополитов уже очень много. Многие из них даже гораздо ортодоксальнее, чем их европейские собратья, в отвержении национальных особенностей, в презрении ко всякой не романогерманской культуре и проч.

Чем объясняется это противоречие? Почему общероманогерманский шовинизм имеет бесспорный успех у славян, тогда как достаточно малейшего намека на германофильскую пропаганду, чтобы заставить славянина насторожиться? Почему русский интеллигент с возмущением отвергает мысль о том, что он может служить орудием немецких юнкеров-националистов, между тем как подчинение общероманогерманским шовинистам того же русского интеллигента не страшит?

Разгадка кроется, конечно, в гипнозе слов.

Как сказано выше, романогерманцы были всегда столь наивно уверены в том, что только они – люди, что называли себя “человечеством”, свою культуру – “общечеловеческой цивилизацией”, и, наконец, свой шовинизм – “космополитизмом”. Этой терминологией они сумели замаскировать все то реальное этнографическое содержание, которое, на самом деле, заключается во всех этих понятиях. Тем самым, все эти понятия сделались приемлемыми для представителей других этнических групп. Передавая иноплеменным народам те произведения своей материальной культуры, которые больше всего можно назвать универсальными (предметы военного снаряжения и механические приспособления для передвижения) – романогерманцы вместе с ними подсовывают и свои “универсальные” идеи и подносят их именно в такой форме, с тщательным замазыванием этнографической сущности этих идей.

Итак, распространение т. н. европейского космополитизма среди нероманогерманских народов есть чистое недоразумение. Те, кто поддался пропаганде романогерманских шовинистов, были введены в заблуждение словами “человечество”, “общечеловеческий”, “цивилизация”, “мировой прогресс” и проч. Все эти слова были поняты буквально, тогда как за ними, на самом деле, скрываются очень определенные и весьма узкие этнографические понятия.

Одураченные романогерманцами “интеллигенты” нероманогерманских народов должны понять свою ошибку. Они должны понять, что та культура, которую им поднесли под видом общечеловеческой цивилизации, на самом деле, есть культура лишь определенной этнической группы романских и германских народов. Это прозрение, разумеется, должно значительно изменить их отношение к культуре собственного народа и заставить их призадуматься над тем, правы ли они, стараясь, во имя каких-то “общечеловеческих” (а, на самом деле, романогерманских, т.е. иностранных) идеалов, навязывать своему народу чужую культуру и искоренять в нем черты национальной самобытности. Решить этот вопрос они могут лишь после зрелого и логического обследования притязаний романогерманцев на звание “цивилизованного человечества”. Принять или не принять романогерманскую культуру можно только после решения целого ряда вопросов, а именно:

1) Можно ли объективно доказать, что культура романогерманцев совершеннее всех прочих культур, ныне существующих или когда-либо существовавших на земле?

2) Возможно ли полное приобщение народа к культуре, выработанной другим народом, при том приобщение без антропологического смешения обоих народов между собой?

3) Является ли приобщение к европейской культуре (поскольку такое приобщение возможно) благом или злом?

Вопросы эти обязан поставить и, так или иначе, разрешить всякий, кто сознает сущность европейского космополитизма, как общероманогерманского шовинизма. И только при утвердительном ответе на все эти вопросы всеобщая европеизация может быть признана необходимой и желательной. При отрицательном же ответе эта европеизация должна быть отвергнута и тут уже должны быть поставлены новые вопросы:

4) Является ли всеобщая европеизация неизбежной?

5) Как бороться с ее отрицательными последствиями?

В последующем изложении мы попытаемся разрешить все поставленные нами вопросы. Для того, однако, чтобы решение их было правильно и, главное, плодотворно, мы должны пригласить наших читателей на время отказаться совершенно от эгоцентрических предрассудков, от кумиров “общечеловеческой цивилизации” и вообще от характерного для романогерманской науки способа мышления. Отказ этот – дело нелегкое, ибо предрассудки, о которых идет речь, глубоко укоренились в сознании всякого европейски “образованного” человека. Но отказ этот необходим в целях объективности.

II

Мы уже указали выше на то обстоятельство, что признание романогерманской культуры самой совершенной из всех культур, когда либо существовавших на земле, основано на эгоцентрической психологии. Как известно, в Европе под это представление о высшем совершенстве европейской цивилизации подведен якобы научный фундамент, но научность этого фундамента только кажущаяся. Дело в том, что представление об эволюции в том виде, как оно существует в европейской этнологии, антропологии и истории культуры, само проникнуто эгоцентризмом. “Эволюционная лестница”, “ступени развития” – все это понятия глубоко эгоцентрические. В основе их лежит представление о том, что развитие человеческого рода шло и идет по пути, так называемого, мирового прогресса. Этот путь мыслится, как известная прямая линия. Человечество шло по этой прямой линии, но отдельные народы останавливались на разных точках ее и продолжают и сейчас стоять на этих точках, как бы топчась на месте, в то время, как другие народы успели продвинуться несколько дальше, остановившись и “топчась” на следующей точке, и т.д. В результате, окинув взглядом общую картину ныне существующего человечества, мы можем увидеть всю эволюцию, ибо на каждом этапе пути, пройденного человечеством, и сейчас стоит какой-нибудь застрявший народ, стоит и “топчется” на месте. Современное человечество, в своем целом, представляет, таким образом, как бы развернутую и разрезанную на куски кинематограмму эволюции, и культуры различных народов отличаются друг от друга, именно, как разные фазисы общей эволюции, как разные этапы общего пути мирового прогресса.

Если допустить, что такое представление об отношении действительности к эволюции верно, то придется признать, что восстановить картину эволюции мы все же не в состоянии. В самом деле, дабы разобраться в том, какой именно фазис эволюции представляет из себя каждая данная существующая культура, мы должны знать определенно, где лежит начало и где конец прямой линии мирового прогресса: только в этом случае мы можем определить расстояние, отделяющее данную культуру от обеих крайних точек упомянутой лестницы и, таким образом, определить место этой культуры

в общей эволюции. Но узнать начало и конец эволюции мы можем не раньше, чем восстановим общую картину эволюции; таким образом, получается заколдованный круг: для восстановления картины эволюции нам надо знать ее начало и конец, а для того, чтобы узнать ее начало и конец, надо восстановить картину эволюции. Ясно, что выйти из этого круга можно лишь в том случае, если каким-нибудь сверхнаучным, иррациональным путем мы постигнем, что та или иная культура есть начало или конец эволюции. Научно, объективно постигнуть этого нельзя, ибо в отдельных культурах при таком представлении об эволюции не может быть заложено ничего такого, что указывало бы на их расстояние от начала или конца эволюции. Объективно, мы находим в разных культурах лишь черты большего или меньшего сходства между собой. На основании этих черт мы можем группировать все культуры земного шара так, чтобы культуры наиболее сходные друг с другом стояли рядом, и культуры малосходные – в отдалении друг от друга. Это все, что мы можем сделать, оставаясь объективными. Но, даже в этом случае, если бы нам удалось это сделать, и если бы при этом у нас получилась непрерывная цепь, мы все же не были бы в состоянии, оставаясь вполне объективными, определить, где находится начало и где находится конец этой цепи. Поясним нашу мысль примером. Представьте себе семь квадратиков, из которых каждый окрашен в один из цветов радуги, эти квадратики расположены на прямой линии, при чем порядок цветов, считая слева направо: зеленый, голубой, синий, лиловый, красный, оранжевый, желтый. Теперь смешайте эти квадратики и предложите кому-нибудь, не видевшему их первоначального расположения, расставить их на прямой линии так, чтобы каждый переходный цвет находился между двумя основными. Т.к. лицо, к которому вы обратились, не знает, что квадратики первоначально были расположены в вышеуказанном порядке, то ясно, что расположить их в совершенно одинаковом порядке оно может только случайно, причем степень случайности будет выражаться отношением 1:14. Совершенно в таком же положении находится исследователь, долженствующий расположить существующие ныне в человечестве народы и культуры в эволюционном порядке: даже если он каждую культуру поместит между двумя наиболее на нее похожими, он все же никогда не будет знать “с какого конца начать”, как и в нашем опыте никто не может догадаться, что надо начинать с зеленого квадратика, и что голубой должен стоять не налево, а направо от него. Разница состоит лишь в том, что так как культур, подлежащих группировке не семь, а гораздо больше, то и возможных решений будет не 14, а гораздо больше, а так как из них верным будет только одно, то вероятность правильного разрешения задачи здесь гораздо меньше, чем в опыте с цветными квадратиками.

Итак, если господствующее в европейской науке представление об эволюции верно, то картину эволюции человечества восстановить нельзя. И, однако, европейцы утверждают, что общую линию этой эволюции они восстановили. Как объяснить это? Неужели произошло чудо, неужели европейские ученые получили из какого-то таинственного источника сверхъестественное откровение, позволившее им найти конец и начало эволюции?

Если присмотреться к результату работы европейских ученых, к той схеме эволюции человечества, которую они восстановили, то сразу становится понятным, что роль этого сверхъестественного откровения, на самом деле, сыграла просто-напросто все та же эгоцентрическая психология. Она-то и указала романогерманским ученым, этнологам и историкам культуры, где искать начало и конец развития человечества. Вместо того, чтобы, оставаясь объективными и видя безвыходность своего положения, искать причину этой безвыходности в неправильности самого представления об эволюции и постараться плодотворно исправить это представление, – европейцы просто приняли за венец эволюции человечества самих себя, свою культуру и, наивно убежденные в том, что они нашли один конец предполагаемой эволюционной цепи, быстро построили всю цепь. Никому и в голову не пришло, что принятие романогерманской культуры за венец

эволюции чисто условно, что оно представляет из себя чудовищное *petitio principii*. Эгоцентрическая психология оказалась настолько сильна, что в правильности этого положения никто и не усомнился, и оно было принято всеми без оговорок, как нечто само собою разумеющееся.

В результате получилась “лестница эволюции человечества”. На вершине ее стоят романогерманцы и те народы, которые вполне восприняли их культуру. Ступенью ниже стоят “культурные народы древности”, т.е. те народы, которые по своей культуре наиболее соприкасаются и сходятся с европейцами. Далее культурные народы Азии: письменность, государственность и некоторые другие пункты культуры этих народов позволяют находить в них некоторое сходство с романогерманцами. Точно так же – “старые культуры Америки” (Мексика, Перу): впрочем, эти культуры несколько менее похожи на романогерманскую и, сообразно с этим, на эволюционной лестнице помещаются несколько ниже. Все же, все упомянутые до сих пор народы в своей культуре имеют настолько много черт внешнего сходства с романогерманцами, что их удостоивают лестного звания “культурных”. Ниже их стоят уже “малокультурные” народы, и, наконец, совсем внизу помещаются “некультурные”, “дикари”. Это – те представители человеческого рода, которые имеют наименьшее сходство с современными романогерманцами.

Согласно такому представлению об эволюционной лестнице, романогерманцы и их культура представляют из себя, действительно, высшее, что до сих пор достигнуто людьми. Конечно, скромно добавляют романогерманские историки культуры, – со временем “человечество”, может быть, пойдет еще дальше, возможно, что обитатели Марса уже и сейчас стоят в культурном отношении выше нас, но на земле в настоящее время мы, европейцы, – совершеннее и выше всех. Но объективной доказательной силы эта эволюционная лестница иметь не может. Не потому романогерманцы признают себя “венцом создания”, что объективная наука установила вышеупомянутую лестницу, а, наоборот, европейские ученые помещают на вершине этой лестницы романогерманцев исключительно потому, что заранее убеждены в своем совершенстве. Эгоцентрическая психология здесь сыграла самую решающую роль. Объективно говоря, вся эта лестница представляет из себя классификацию народов и культур по признаку их большего или меньшего сходства с современными романогерманцами. Момент оценки, делающий из этой классификации лестницу ступеней совершенства, не объективен и внесен чисто субъективной эгоцентрической психологией. Таким образом, принятая в европейской науке классификация народов и культур не может объективно доказать превосходства романогерманской цивилизации над культурами других народов. Из того же, что “ржаная каша сама себя хвалит” еще не следует, чтобы это была самая лучшая каша в мире.

Если мы посмотрим, какие доказательства приводятся в пользу большего совершенства романогерманской цивилизации, стоящей на вершине “эволюционной лестницы”, по сравнению с культурой “дикарей”, “стоящих на самой низкой ступени развития”, – то с удивлением заметим, что все эти доказательства основаны либо на *petitio principii* эгоцентрических предрассудков, либо на оптическом обмане, вызванном той же эгоцентрической психологией. Объективных научных доказательств нет вовсе.

Самое простое и наиболее распространенное доказательство заключается в том, что европейцы-де фактически побеждают дикарей; что каждый раз, когда дикари вступают в борьбу с европейцами, борьба кончается победой “белых” и поражением “дикарей”. Грубость и наивность этого доказательства должна быть ясна для всякого объективно-мыслящего человека. Этот аргумент ясно показывает, насколько поклонение грубой силе, составлявшее существенную черту национального характера тех племен, которые создали европейскую цивилизацию, живет и по сие время в сознании каждого потомка древних галлов и германцев. Галльское “*vae victis!*” и германский вандализм, систематизированные и углубленные традициями римской солдатчины, – выступают

здесь во всей красе, хотя и прикрытые маской объективной научности. А между тем, этот аргумент можно встретить и у самых просвещенных европейских “гуманистов”. Разбирать его логическую несостоятельность, конечно, не стоит. Хотя европейцы и пытаются облекать его в научную форму, подводя под него фундамент в виде теории “борьбы за существование” и “приспособления к среде”, но последовательно провести такую точку зрения в истории они все-таки не могут. Им постоянно приходится признавать, что победа весьма часто выпадает на долю народов “менее культурных”, чем побеждаемые ими туземцы. В истории нередки случаи победы кочевников над оседлыми народами (а между тем, кочевники, как сильно отличающиеся по своему быту от современных романогерманцев, на эволюционной лестнице всегда помещаются ниже оседлых народов). Все признаваемые европейской наукой “великие культуры древности” были разрушены именно “варварами”, и хотя часто в оправдание выдвигается указание на то, что эти культуры к моменту своего разрушения уже перешли-де в состояние упадка и вырождения, но в целом ряде случаев этого доказать никак невозможно. А раз европейская наука не может признать положения о том, чтобы народ-победитель в культурном отношении всегда был совершеннее народа побежденного, то из одного факта победы европейцев над дикарями никаких положительных выводов сделать нельзя.

Другой аргумент, не менее распространенный, но еще менее состоятельный, заключается в том, что “дикари” неспособны воспринять некоторых европейских понятий, и потому и должны рассматриваться как “низшая раса”. Здесь эгоцентрическая психология особенно ярка. Европейцы совершенно забывают, что если “дикари” не способны воспринять некоторых понятий европейской цивилизации, то ведь и европейцы так же мало способны проникнуться понятиями культуры дикарей. Часто вспоминают рассказ о каком-то папуасе, которого вывезли в Англию, воспитали в колледже и даже отдали в университет; вскоре, однако, он стосковался по родине, бежал на родину, и там сбросивши европейский костюм стал опять жить таким же “дикарем”, каким был до поездки в Англию, так что от понятий европейской культуры и в нем не осталось и следа. При этом, однако, совершенно забывают многочисленные анекдоты о европейцах, решивших “упроститься”, поселившихся для этой цели среди “дикарей”, но, по прошествии некоторого времени, все же не выдержавших этой марки и вернувшихся в Европу к европейским условиям жизни. Указывают на то, что восприятие европейской цивилизации настолько трудно для “дикарей”, что многие из них, попытавшись “цивилизироваться”, сошли с ума или стали алкоголиками. Однако, в тех, правда, весьма редких случаях, когда отдельные европейцы добросовестно пытались ассимилироваться с культурой какого-нибудь дикого племени, принять не только внешний материальный быт этого племени, но и его религию и убеждения, — этих “чудаков” большею частью постигала та же участь. Достаточно упомянуть талантливого французского живописца Гогена, попытавшегося стать настоящим таитянином, поплатившегося за эту попытку помешательством, а позднее и алкоголизмом, и окончившего жизнь бесславной смертью в пьяной драке. Очевидно, дело тут не в том, что “дикари” по своему развитию ниже европейцев, а в том, что развитие европейцев и дикарей направлено в разные стороны, что европейцы и “дикари”, по всему своему житейскому укладу и по вытекающей из этого уклада психологии, максимально отличаются друг от друга. Именно потому, что психология и культура “дикарей” ни имеет почти ничего общего с психологией и культурой европейцев, полная ассимиляция с этим чуждым бытовым и духовным укладом невозможна как для той, так и для другой стороны. Но, так как эта невозможность остается взаимной, и для европейца стать дикарем так же трудно, как для “дикаря” стать европейцем, то из этого всего нельзя сделать никакого вывода о том, кто “выше” и кто “ниже” по своему “развитию”.

Разобранные нами до сих пор “аргументы” в пользу превосходства европейцев над “дикарями”, хотя и встречаются иногда в ученых работах, но все же являются скорее обывательскими рассуждениями, наивными и поверхностными. В научной литературе господствуют другие аргументы, имеющие вид гораздо более серьезный и основательный. Однако, при более тщательном рассмотрении, эти квази-научные аргументы тоже оказываются основанными на эгоцентрических предрассудках. В науке весьма часто можно встретить сближение психологии дикарей с психологией детей. Это сближение напрашивается само собой, ибо при непосредственном наблюдении дикари, действительно, производят на европейцев впечатление взрослых детей. Из этого делают вывод, что дикари “остановились в своем развитии”, и что, следовательно, они стоят ниже истинно взрослых европейцев. В этом пункте европейские ученые опять проявляют отсутствие объективности. Они совершенно обходят без внимания тот факт, что впечатление “взрослых детей” при соприкосновении европейцев с “дикарями” является *взаимным*, т.е. что дикари тоже смотрят на европейцев, как на взрослых детей. Факт этот, с психологической точки зрения, весьма интересен, и объяснения его следует искать, конечно, в самой сущности того, что европейцы обозначают словом дикарь. Выше мы уже сказали, что под словом “дикари” европейская наука собственно понимает народы, по своей культуре и психологии наиболее отличающиеся от современных романогерманцев. В этом-то обстоятельстве и следует искать объяснения упомянутой психологической загадки. Надо иметь в виду следующие положения:

1. Психика каждого человека состоит из элементов врожденных и благоприобретенных.

2. Среди черт врожденной психики надо различать черты индивидуальные, семейные, племенные, расовые, общечеловеческие, общемлекопитающие и общеживотные.

3. Благоприобретенные черты стоят в зависимости от среды, в которой вращается данный субъект, от традиции его семьи и социальной группы, и от культуры его народа.

4. В самом раннем детстве вся психика состоит исключительно из черт врожденных; с течением времени к ним присоединяются все в большей степени черты благоприобретенные, причем некоторые из врожденных черт вследствие этого затушевываются или вовсе исчезают.

5. В психологии каждого человека нам непосредственно понятны и доступны только те черты, которые общи у него с нами.

Из этих положений следует, что когда два человека, принадлежащие к совершенно одинаковой среде и воспитанные в совершенно одинаковых культурных традициях, встречаются друг с другом, они оба понимают друг в друге почти все черты психики, т.к. все эти черты, за исключением некоторых врожденных индивидуальных, у них обоих общие. Но, когда друг с другом встречаются два человека, принадлежащие к двум совершенно различным культурам, совершенно не похожим одна на другую, то каждый из них в психике другого усмотрит и поймет лишь некоторые врожденные черты, а благоприобретенных не поймет, и, может быть, не заметит вовсе, ибо в этой области между двумя встретившимися нет ничего общего. Чем больше отличается культура наблюдателя от культуры наблюдаемого, тем меньше черт благоприобретенной психики первый воспринимает во втором, и тем больше психология этого наблюдаемого будет представляться наблюдателю состоящей исключительно из врожденных черт. Но психика, в которой врожденные черты преобладают над благоприобретенными, всегда производит впечатление элементарной. Всякую психику можно представить себе, как некоторую дробь, в которой числитель есть общая сумма доступных нашему восприятию врожденных черт, а знаменатель – общая сумма черт благоприобретенных: эта психика будет казаться тем более элементарной, чем дробь меньше (т.е. чем отношение знаменателя к числителю больше). Из приведенных выше положений 3-го и 5-го явствует, что дробь будет тем

меньше, чем больше отличается культура и социальная среда наблюдаемого от культуры и социальной среды наблюдателя.

Т.к. “дикари” суть, иначе говоря, те народы, которые, по своей культуре и по своему быту, сильнее всего отличаются от современных европейцев, то ясно, что их психика должна представляться европейцам исключительно элементарной; но из всего предшествующего ясно также и то, что это впечатление должно быть взаимным. Представление о “дикарях”, как о “взрослых детях”, основано на этом оптическом обмане. Мы воспринимаем в психологии дикаря только черты врожденной психики, ибо только эти черты у нас с ним общие (положение 5), благоприобретенные же совершенно чужды и непонятны нам, т.к. они основаны на его культурных традициях (положение 3), совершенно отличных от наших; но психология, в которой врожденные черты преобладают, а благоприобретенные почти отсутствуют, – есть психология детская (положение 4). Потому-то “дикарь” и кажется нам ребенком. В этом представлении играет роль также и другое обстоятельство. Если мы будем сравнивать между собою психологию двух детей, маленького “дикаря” и маленького европейца, то найдем, что в психическом отношении оба ребенка гораздо ближе друг к другу, чем их отцы; у них еще нет благоприобретенных черт, имеющих появиться позднее, зато у них много общих элементов, входящих в общечеловеческую, общемлекопитающую и общеживотную психологию, а отличия, вносимые расовой, племенной, семейной и индивидуальной психиками, не так велики. С течением времени некоторая часть этого общего запаса врожденных черт будет вытеснена или видоизменена благоприобретенными, а другая часть сохранится без изменений. Но самые эти части у обоих сравниваемых субъектов будут различны. У дикаря утратится А, а сохранится В, С, у европейца утратится В, сохранится А, С; к этому присоединятся у дикаря благоприобретенные черты D, а у европейца – благоприобретенные черты E. Когда взрослый европеец встретится с взрослым дикарем и станет наблюдать его, он найдет в психике дикаря части В, С, D. Из этих частей D окажется для европейца совершенной чуждой и непонятной, т.к. эта часть психики дикаря, как благоприобретенная, стоит в связи с культурой дикаря, не имеющей ничего общего с европейской. Часть С является общей у взрослого дикаря со взрослым европейцем, а потому вполне понятна для этого, последнего. Что касается до части В, то ее в психике взрослого европейца нет, но этот европеец помнит, что эта часть была у него в раннем детстве, и может наблюдать ее и сейчас в психике детей своего народа. Таким образом, психика дикаря должна представляться европейцу непременно, как смесь элементарных черт взрослой психологии с чертами детскими. Нечего и говорить, что в таком же виде должны представляться и дикарю психика европейца по тем же причинам.

Оптический обман, о котором мы только что говорили, является причиной и другого явления, именно, того сходства, которое находят европейцы между психологией дикаря и психологией животных. Выше мы сказали, что в психологическом отношении маленький дикарь очень мало отличается от маленького европейца. Если мы к этим двум младенцам прибавим еще молодое животное, то принуждены будем признать, что между всеми этими тремя существами есть кое-что общее – черты общемлекопитающей и общеживотной психологий. Этих черт, может быть, и не очень много, но все же они существуют; допустим, это – элементы x , y , z . Позднее маленький европеец, развиваясь, утратит x , дикарь – y , а животное сохранит как x , так и y и z . Но те черты животной психики, которые сохраняются во всех названных существах, сохраняются, конечно, не совсем в том виде, в котором они имелись в младенчестве у этих существ, ибо элементы психики *взрослого* животного всегда отличаются известным образом от тех элементов психики *молодых* животных, из которых они развились. Сообразно с этим, x , y и z у взрослого животного примут вид x' , y' , z' , элементы y , z у европейца – вид y' , z' , элементы x , z у взрослого дикаря – вид x' , z' . Когда взрослый европеец наблюдает взрослого дикаря, он усматривает в нем, между прочим, черту x' . Как истолкует он эту

черту? В его собственной психике ее нет. В психике детей его племени, она имеет другой вид, именно x . Зато в психике взрослых животных европеец прямо может видеть x . Естественно, поэтому, что он определит эту черту, как “животную” и, благодаря ее наличности в психологии дикаря, будет считать этого последнего человеком близким к животным по своему развитию. Все это, конечно, применимо и к дикарю, который, усмотрев в европейце черту y' , чуждую его собственной психологии, но наблюдаемую им у животных, истолкует эту черту совершенно так же, как европеец толкует черту x' в психике дикаря.

Все вышесказанное объясняет нам то непосредственное впечатление, которое получают друг от друга люди, принадлежащие к племенам с максимально отличающимися друг от друга культурами. Каждый из этих людей видит и понимает в другом только то, что у него с ним общее, т.е. только черты врожденной психики, и, уже поэтому, непременно будет считать психологию наблюдаемого исключительно элементарной. Усматривая в наблюдаемом черты, знакомые ему самому из собственного детства, но позднее утраченные, наблюдатель будет считать наблюдаемого субъекта человеком, остановившимся в своем развитии, человеком, хотя и взрослым, но наделенным чертами детской психики. Далее, некоторые черты наблюдаемого покажутся наблюдателю близкими к психологии животных. Что касается до не-элементарных черт наблюдаемого, то, будучи благоприобретенными, и, следовательно, связанными с чуждой для наблюдателя культурой, они останутся совершенно непонятными и будут казаться наблюдателю какими-то странностями, чудачеством. Соединение элементарности, детскости и непонятного чудачества делает человека максимально чуждой культуры каким-то нелепым существом, не то уродливой, не то комической фигурой. Это впечатление совершенно взаимно. При встрече друг с другом двух представителей максимально различных культур, оба они кажутся друг другу смешными, уродливыми, словом – “дикими”. Мы знаем, что европеец испытывает точно такие чувства при виде “дикаря”, но знаем и то, что “дикари”, при виде европейца либо пугаются, либо встречают каждое его проявление взрывами гомерического смеха.

Таким образом, представление об элементарности психики дикаря, о ее близости к детской и к животной психологии, основано на оптическом обмане. Этот обман сохраняет свою силу не только по отношению к дикарям, т.е. к народам, по своей культуре максимально отличающимся от современных романогерманцев, но и ко всем вообще народам с не-романогерманской культурой. Разница будет только в степени. При наблюдении над представителем “не нашей” культуры мы будем понимать из его благоприобретенных психических черт только такие, которые имеются *и у нас*, т.е. связаны с элементами культуры, общими ему и нам. Черты благоприобретенные, но основанные на таких сторонах его культуры, которые не находят себе эквивалента в нашей культуре, останутся для нас непонятными. Что же касается до элементов врожденной психики, то они почти все окажутся понятными для нас, при чем часть их будет казаться детскими чертами. Благодаря тому, что врожденную психику этого наблюдаемого нами народа мы поймем почти всю целиком, а благоприобретенную – только поскольку культура этого народа похожа на нашу, соотношение врожденной и благоприобретенной стороны его психики будет представляться нам всегда неправильно, с перевесом на стороне врожденной, причем этот перевес будет тем сильнее, чем сильнее культура данного народа отличается от нашей. Естественно, поэтому, что психика народа с культурой непохожей на нашу будет нам всегда казаться элементарнее, чем наша собственная .

Заметим, кстати, что такая оценка чужой психики наблюдается не только между двумя народами, но и между разными социальными группами одного и того же народа, если социальные различия в этом народе очень сильны и если высшие классы приняли иноземную культуру. Многие русские интеллигенты, врачи, офицеры, сестры

милосердия, общаясь с “простым народом”, говорят, что это – “взрослые дети”. С другой стороны, “простой народ”, судя по его сказкам, усматривает в “барине” известное чудачество и черты наивной полудетской психологии.

Несмотря на то, что представление европейца о психике дикаря основано на оптическом обмане, оно тем не менее играет самую выдающуюся роль во всех квазинаучных построениях европейской этнологии, антропологии и истории культуры. Главное последствие, которое имело это представление для методологии названных наук, заключалось в том, что оно позволило романо-германским ученым объединить в одну группу самые разнообразные народы земного шара под общим именем “дикарей”, “малокультурных” или “первобытных народов”. Мы уже говорили, что под этими названиями надо понимать народы, максимально отличающиеся от современных романогерманцев по своей культуре. Это – единственный общий признак всех этих народов. Признак этот – чисто субъективный и притом отрицательный. Но т.к. он породил оптический обман и основанную на этом обмане одинаковую оценку психики всех этих народов со стороны европейцев, то эти последние приняли свою оценку за объективный и положительный признак и объединили все народы, одинаково далекие от современных романо-германцев по своей культуре, в одну группу “первобытных”. Что, таким образом, в одну общую группу попали народы, по существу, совершенно друг на друга непохожие (например, эскимосы и кафры) – с этим европейские ученые не считаются, ибо различия между отдельными “первобытными народами”, основанные на особенностях их культур, одинаково отдаленных от романогерманской, европейцу все одинаково чужды и непонятны, а потому и пренебрегаются учеными, как маловажные и вторичные признаки. И с этой группой, с этим понятием “первобытные народы”, основанным, по существу, на субъективном и отрицательном признаке, европейская наука оперирует, не задумываясь, как с вполне реальной и однородной величиной. Такова сила эгоцентрической психологии в европейской эволюционной науке.

На том же оптическом обмане и на связанной с ним привычке квалифицировать народы по степени их сходства с современными романогерманцами основан еще один аргумент в пользу превосходства романогерманской цивилизации над всеми прочими культурами земного шара. Этот аргумент, который можно назвать “историческим”, считается в Европе самым веским, и на него историки культуры особенно охотно ссылаются. Сущность его состоит в том, что предки современных европейцев первоначально тоже были дикарями, и что, таким образом, современные дикари стоят до сих пор на той ступени развития, через которую европейцы давно уже прошли. Аргумент этот подтверждают археологическими находками и свидетельствами древних историков, показывающих, что быт отдаленных предков современных романогерманских народов отличался всеми типичными чертами быта современных дикарей.

Призрачность этого аргумента становится очевидной, лишь только мы вспомним искусственность самого понятия “дикари” или “первобытные народы”, понятия, объединяющего самые различные племена земного шара по одному лишь признаку их максимального отличия от современных романогерманцев.

Как всякая культура, европейская культура изменялась непрерывно и пришла к современному своему состоянию лишь постепенно, в результате долгой эволюции. В каждую историческую эпоху эта культура была несколько иной. Естественно при этом, что в эпохи более близкие к современности и культура европейцев была ближе к современному своему состоянию, чем в эпохи более отдаленные. В самые отдаленные эпохи культура народов Европы отличалась от современной цивилизации сильнее всего; в эти эпохи культура предков европейцев представляла *максимальное* отличие от современности. Но все культуры, максимально отличающиеся от современной европейской цивилизации, неизменно относятся европейскими учеными в общую

группу “первобытных”. Естественно, поэтому, что и культура отдаленных предков современных романогерманцев должна попасть в ту же рубрику. Никакого положительного вывода из этого сделать нельзя. Ибо, ввиду отрицательности понятия “первобытная культура”, тот факт, что эпитет “первобытная” прилагается европейскими учеными как к культуре древнейших предков романогерманцев, так и к культуре современных эскимосов и кафров, еще не свидетельствует о том, чтобы все эти культуры были *тождественны* между собой, а лишь о том, что все они одинаково *непохожи* на современную европейскую цивилизацию.

Здесь мы считаем уместным коснуться еще одной подробности в учении европейской науки о дикарях, подробности, стоящей в теснейшей связи с только что разобранным “историческим аргументом”. Именно, в тех – в общем, сравнительно редких – случаях, когда европейцам удается проникнуть в историю какого-нибудь современного “дикого” племени, неизменно оказывается, что культура этого племени в течение своей истории либо совсем не изменялась, либо “пошла назад”, в каком-либо случае современные дикари представляют из себя результат регресса, постепенного одичания народа, стоявшего некогда на “более высокой ступени развития”. Это обстоятельство зависит опять-таки все от того же оптического обмана и от эгоцентрических предрассудков. Всего лучше происхождение этого взгляда на историю дикарей можно изобразить графически. Представим себе круг, в центре которого (в точке А) стоит современная европейская культура. Радиус этого круга изображает максимальное отличие от современных романогерманцев: таким образом, культура всякого современного “дикого” племени может быть изображена точкой В на

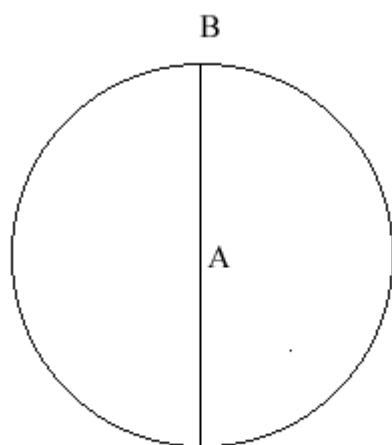

рис. 1

окружности круга. Но в эту точку культура дикаря попала сейчас. Раньше культура эта имела другой вид и, поэтому, более ранняя историческая форма этой культуры должна быть изображена точкой С, не совпадающей с В. Где может лежать эта точка? Возможны три случая.

Во-первых, С может лежать на каком-нибудь другом месте окружности того же круга. В этом случае, согласно положению, расстояние АС будет равно АВ. Другими словами, окажется, что культура данного “дикаря” в предшествующую историческую эпоху отличалась от современной европейской культуры максимально. А т.к. все максимально отличные от европейской цивилизации культуры европейская наука валит в одну кучу “первобытных”, то европейский ученый в

данном случае не уловит никакого прогресса, а признает неподвижность, застой, как бы ни велика была дуга СВ, изображающая путь, пройденный культурой данного “дикаря” в эту историческую эпоху.

Второй случай: С лежит внутри круга. В этом случае расстояние АС окажется меньше расстояния АВ, другими словами, движение культуры у дикаря шло, удаляясь по отношению к точке, изображающей современную культуру европейцев. Ясно, что европейский ученый, считающий свою цивилизацию верхом достигнутого на земле совершенства, может назвать такое движение только “регрессом”, “упадком”, “одичанием”.

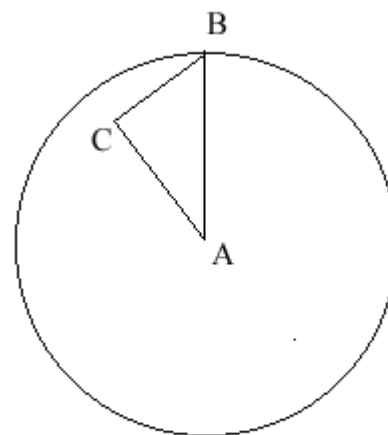

рис. 2

Наконец, третий случай: С лежит за пределами круга. Здесь расстояние АС оказывается больше радиуса АВ, т.е. больше максимального расстояния от культуры современных романогерманцев. Но величины большие, чем максимальные, человеческому уму и ощущениям не доступны. Кругозор европейца, стоящего в точке А нашего чертежа, ограничен окружностью нашего круга, и все, что стоит вне этого круга, им уже не различается. Поэтому, европейцу естественно придется проектировать точку С на окружность в виде С', и третий случай сведется к первому – к представлению о неподвижности или застою.

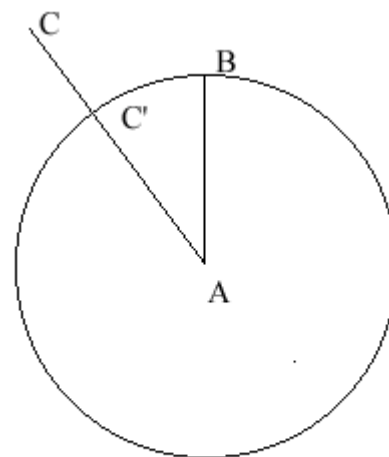

рис. 3

Таким же образом, как историю дикарей, расценивает европейец и истории других народов, культура коих более или менее отличается от современной романогерманской. Строго говоря, настоящий “прогресс” наблюдается только в истории самих романогерманцев, ибо в ней естественно имеет место постоянное постепенное приближение к современному состоянию [романогерманской] культуры, произвольно объявленному верхом совершенства. Что касается до истории не-романогерманских народов, то, если она не кончается заимствованием европейской культуры, все последние, ближайšie к нашим дням этапы этой истории, согласно всему вышесказанному, неизбежно должны рассматриваться европейскими учеными, как эпоха застоя или упадка. Только когда такой не-романогерманский народ отказывается от своей национальной культуры и предается слепому подражанию европейцам, романогерманские ученые с удовольствием отмечают, что этот народ “вступил на путь общечеловеческого прогресса”.

Итак, “исторический аргумент”, самый веский и убедительный в глазах европейцев, на поверку оказался столь же мало доказательным, как и все прочие аргументы в пользу превосходства романогерманцев над дикарями. Многим может показаться, что мы занимаемся софистикой и жонглируем общими понятиями. Многие скажут, что, несмотря на всю логичность наших рассуждений, превосходство европейца над дикарем все же остается несомненной, объективной и самоочевидной истиной, которую, именно поэтому, нельзя доказывать: аксиомы не доказуемы, как не доказуемы и факты нашего непосредственного восприятия, например, тот факт, что бумага, на которой я пишу, бела. Однако, очевидность только тогда не требует доказательств, когда она объективна. Субъективно для меня может быть вполне очевидно, что я во всех отношениях лучше и умнее моего знакомого N, но, т.к. ни для самого N, ни для многих других наших общих с ним знакомых этот факт не очевиден, я не могу считать его объективным. А между тем вопрос о превосходстве европейца над дикарями носит именно такой характер: не забудем, что разрешать его хотят сами же европейцы, романогерманцы, или люди, хотя и не принадлежащие к их расе, но загипнотизированные их престижем, находящиеся под полным их влиянием. Если для этих судей превосходство романогерманцев очевидно, то очевидность эта не объективна, а субъективна и, потому, требует еще объективных доказательств. А таких доказательств нет: предшествующее изложение достаточно ясно показало это.

Нам говорят: сопоставьте умственный багаж культурного европейца с умственным багажом какого-нибудь бушмена, ботокуда или веддаса – разве превосходство первого над вторым не очевидно? Однако, мы утверждаем, что очевидность тут только субъективная. Лишь только мы дадим себе труд добросовестно и без предубеждения вникнуть в дело, очевидность пропадает. Дикарь, – хороший дикарь-охотник, обладающий всеми качествами, которые ценит в человеке его племя (а только такой

дикарь и может быть сравним с настоящим культурным европейцем), – хранит в своем уме огромный запас всевозможных познаний и сведений. Он в совершенстве изучил жизнь окружающей его природы, знает все привычки животных, такие тонкости в их быте, которые ускользают от пытливого взора самого внимательного европейского натуралиста. Все эти познания хранятся в уме дикаря далеко не в хаотическом беспорядке. Они систематизированы, – правда, не по тем рубрикам, по которым расположил бы их европейский ученый, но по другим, наиболее удобным для практических целей охотничьего быта. Кроме этих практически-научных познаний, ум дикаря вмещает в себе зачастую довольно сложную мифологию его племени, кодекс его морали, правила и предписания этикета, иногда тоже весьма сложного, наконец, более или менее значительный запас произведений изустной литературы своего народа. Словом, голова дикаря “набита” основательно, несмотря на то, что материал ее “набивающий”, совершенно иной, чем тот, который наполняет голову европейца. А вследствие этой разнородности материала умственной жизни дикаря и европейца, их умственные багажи следует признать несравнимыми и несоизмеримыми между собою, почему вопрос о превосходстве одного над другим надо считать неразрешимым.

Указывают на то, что европейская культура во многих отношениях сложнее культуры дикаря. Однако, такое соотношение обеих культур наблюдается далеко не во всех их сторонах. Культурные европейцы гордятся изысканностью своих манер, тонкостью своей вежливости. Но не подлежит сомнению, что правила этикета и условности общежития у многих дикарей гораздо сложнее и более детально разработаны, чем у европейцев, не говоря уже о том, что этому кодексу хорошего тона подчиняются все члены “дикого” племени без исключения, тогда как у европейцев хороший тон является уделом только высших классов. В заботе о наружности “дикари” часто проявляют гораздо больше сложности, чем многие европейцы: вспомним сложные приемы татуировки австралийцев и полинезийцев или сложнейшие прически африканских красавиц. Если все эти осложнения можно отнести на долю нецелесообразного чудачества, то есть в жизни некоторых дикарей и некоторые несомненно целесообразные институты гораздо более сложные, чем соответствующие им европейские. Возьмем, например, отношение к половой жизни, к семейному и брачному праву. Как элементарно разрешен этот вопрос в романогерманской цивилизации, где моногамная семья существует официально, покровительствуемая законом, а рядом с нею уживается разнузданная половая свобода, которую общество и государство теоретически осуждают, но практически допускают. Сравните с этим детально продуманный институт групповых браков у австралийцев, где половая жизнь поставлена в строжайшие рамки и, при отсутствии индивидуального брака, тем не менее приняты меры, как для обеспечения детей, так и для недопущения кровосмешений.

Вообще говоря, большая или меньшая сложность ничего не говорит о степени совершенства культуры. Эволюция так же часто идет в сторону упрощения, как и в сторону усложнения. Поэтому, степень сложности никак не может служить мерилom прогресса. Европейцы прекрасно понимают это, и применяют это мерило только тогда, когда оно удобно для их целей самовосхваления. В тех случаях, когда другая культура, например, та же культура дикарей, в каком-нибудь отношении оказывается сложнее европейской, европейцы не только не считают эту большую сложность мерилom прогресса, но даже наоборот объявляют, что в данном случае усложнение есть признак “первобытности”. Так толкует европейская наука все вышеупомянутые случаи: сложный этикет дикарей, их забота о сложном украшении тела, даже хитроумная система австралийского группового брака – все это оказывается проявлением низкой степени культуры. Заметим, что при этом европейцы совершенно не считаются уже и со своим излюбленным “историческим аргументом”, разобранным выше: в праистории галлов и германцев (да и самих римлян) никогда не было момента, когда все

упомянутые, якобы первобытные, стороны жизни “дикарей” нашли бы себе проявление. О тщательном украшении тела, о татуировке или о фантастически сложных прическах отдельные предки романогерманцев не имели никакого понятия, вежливость и “манеры” были у них в гораздо большем пренебрежении, чем у современных немцев и американцев, а семья с покон веков строилась по одному и тому же образцу. Европейцы не считаются с историческим аргументом и в целом ряде других случаев, в которых его логическое применение говорило бы не в пользу европейской цивилизации. Многие из того, что в современной Европе считается последним криком цивилизации или вершиной еще не достигнутого прогресса, встречается у дикарей, но тогда объявляется признаком крайней первобытности. Футуристические картинки, нарисованные европейцами, считаются признаком высокого утончения эстетического вкуса, но совершенно подобные им произведения “дикарей” – наивными попытками, первыми пробуждениями первобытного искусства. Социализм, коммунизм, анархизм, все это “светлые идеалы грядущего высшего прогресса”, по только лишь тогда, когда их проповедует современный европеец. Когда же эти “идеалы” оказываются осуществленными в быте дикарей, они сейчас же обозначаются, как проявление первобытной дикости.

Объективных доказательств превосходства европейца над дикарями нет и не может быть потому, что при сравнении разных культур между собою европейцы знают лишь одно мерило: что похоже на нас – лучше и совершеннее всего, что на нас не похоже.

Но если так, если европейцы не совершеннее дикарей, то та эволюционная лестница, о которой мы говорили в начале этой главы, должна обрушиться. Если вершина ее не выше ее основания, то, очевидно, она не выше и других ступеней, находящихся между нею и ее основанием. Вместо лестницы, мы получаем горизонтальную плоскость. Вместо принципа градации народов и культур по степеням совершенства – новый принцип равноценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов земного шара. Момент оценки должен быть раз навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих – низшими, – произвольно, ненаучно, наивно, наконец, просто глупо. Только вполне преодолев этот глубоко вкоренившийся эгоцентрический предрассудок и изгнав его последствия из самих методов и выводов, до сих пор строившихся на нем, европейские эволюционные науки, в частности этнология, антропология и история культуры, станут настоящими научными дисциплинами. До тех пор они являются в лучшем случае средством морочить людей и оправдывать перед глазами романогерманцев и их приспешников империалистическую колониальную политику и вандалистическое культуртрегерство “великих держав” Европы и Америки.

Итак, на первый из поставленных выше вопросов, на вопрос: “можно ли объективно доказать, что культура современных романогерманцев совершеннее всех прочих культур, ныне существующих или когда-либо существовавших на земле?”, – приходится ответить отрицательно.

III

Теперь попытаемся ответить на вопрос: возможно ли полное приобщение какого-нибудь народа к культуре, созданной другим народом. Под полным приобщением мы разумеем, конечно, такое усвоение культуры чужого народа, после которого эта культура для заимствующего народа становится как бы своею и продолжает развиваться в этом народе совершенно параллельно с ее развитием у того народа, от которого она позаимствована, так что оба – создатель культуры и заимствователь – сливаются в одно культурное целое.

Для того, чтобы ответить на вопрос, поставленный в такой форме, нужно, конечно, знать законы жизни и развития культуры. Между тем европейская наука в этой области не знает почти ничего, т.к., находясь на том ложном пути, на котором стоят все европейские эволюционные науки благодаря эгоцентрическим предрассудкам, о которых мы говорили выше, социология до сих пор не могла выработать ни объективных научных методов, ни, тем более, сколько-нибудь достоверных выводов и пребывает на ступени развития алхимии. Кое-какие правильные точки зрения на метод, которым должна бы пользоваться социология, и кое-какие верные взгляды на истинную сущность механики или динамики социальных явлений можно найти разбросанными у отдельных европейских социологов, которые, однако, сами никогда своих методологических принципов до конца не выдерживают и неизменно впадают в основанное на эгоцентризме обобщение относительно развития “человечества”. Эта страсть к поспешным обобщениям, всегда неверным, вследствие ложности основных понятий “человечества”, “прогресса”, “первобытности” и пр., – эта страсть существует у всех социологов и особенно затрудняет пользование их выводами. Крупнейший европейский социолог прошлого века, к сожалению, сравнительно мало известный и неправильно оцененный в Европе, французский ученый Габриэль Тард в своих общих воззрениях на природу социальных процессов и на методы социологии подошел к истине, пожалуй, ближе, чем другие. Но страсть к обобщениям и стремление сейчас же после определения элементов социальной жизни дать картину всей эволюции “человечества” погубили и этого остроумного исследователя. К тому же, пропитанный, как и все европейцы, эгоцентрическими предрассудками, он не может встать на точку зрения равноценности и качественной несоизмеримости народов и культур, не может мыслить “человечество” иначе, как стройное единое целое, отдельные части которого расположены на эволюционной лестнице, наконец, не может порвать с понятием “общечеловеческого” или “мирового прогресса”. Таким образом, хотя мы примыкаем в целом ряде важных пунктов к социологическим учениям Тарда, тем не менее, в его теории нам приходится вводить некоторые весьма существенные поправки. С точки зрения этой-то социологической системы мы и подойдем к решению поставленного выше вопроса.

Жизнь и развитие всякой культуры состоит из непрерывного возникновения новых культурных ценностей. Под “культурной ценностью” мы разумеем всякое целесообразное создание человека, сделавшееся общим достоянием его соотечественников: это может быть и норма права, и художественное произведение, и учреждение, и техническое приспособление, и научное или философское положение, – поскольку все эти вещи отвечают определенным физическим или духовным потребностям или для удовлетворения этих потребностей приняты всеми или частью представителей данного народа. Возникновение каждой новой культурной ценности можно назвать общим именем “открытия” (*invention* – термин Тарда). Каждое открытие представляет из себя комбинацию двух или нескольких уже существующих культурных ценностей или их различных элементов, при чем, однако, новое открытие неразложимо вполне на свои составные части и включает в себе всегда некоторый плюс в виде, во-первых, способа самой комбинации, а, во-вторых, отпечатка личности творца. Раз возникнув, открытие распространяется среди других людей путем “подражания” (*imitation* – тоже термин Тарда), причем это слово надо понимать в самом широком смысле, начиная с воспроизведения самой культурной ценности или воспроизведения способа удовлетворять данную потребность при помощи этой ценности, и до “симпатического подражания”, т.е. подчинения созданной норме, усвоения данного положения, предполагаемого истинным, или преклонения перед достоинством данного произведения. В процессе подражания данное новшество может столкнуться и вступить в противоречие с другим, или с уже признанной раньше культурной ценностью, в каком случае между ними завязывается борьба за первенство (“*duel logique*” Тарда), в

результате которой одна из этих ценностей вытесняется другой. Только преодолев все эти препятствия и распространившись путем подражания на все социальное целое, данное открытие становится фактом социальной жизни, элементом культуры. Культура в каждый данный момент представляет из себя сумму получивших признание открытий современного и предшествующих поколений данного народа. Таким образом, сущность развития и жизни культуры сводится к двум элементарным процессам: “открытие” (*invention*) и “распространение” (*propagation*) с необязательным, но почти неизбежным дополнением “борьбы за признание” (*duel logique*). Не трудно видеть, что оба основных процесса имеют между собою иного общего: поскольку открытие является всегда навеянным предшествующими открытиями или, лучше сказать, уже существующими культурными ценностями, его можно рассматривать, как комбинированное подражание или, выражаясь словами Тарда, как столкновение в индивидуальном сознании двух или нескольких подражательных волн (*ondes immitatives*). Отличие состоит лишь в том, что при открытии между сталкивающимися ценностями не происходит борьбы (*duel logique*) в узком смысле этого слова; что ни одна из ценностей не вытесняет другую, а, наоборот, все они синтезируются и соединяются в одно целое, тогда как при распространении столкновение ценностей не создает новой, а лишь устраняет одну из борющихся сторон. Поэтому, и “открытие” и “распространение” могут рассматриваться, как две стороны одного и того же процесса “подражания” (*immitation*). Особенность учения Тарда состоит именно в том, что как элемент социальной жизни он принимает только один элементарный психический процесс подражания, протекающий всегда в индивидуальном мозгу, но, вместе с тем, устанавливающий связь между отдельным индивидуумом и другими людьми и, постольку, относящийся не к чисто индивидуальной психологии, а к психологии “междуиндивидуальной” (*interpsychologie*).

Теперь постараемся ясно представить себе те условия, которые необходимы для непрерывного появления открытий, иначе говоря, для развития культуры. Прежде всего, для этого необходимо существование в сознании данной культурной среды всего запаса уже созданных и прошедших через стадию борьбы культурных ценностей. Это необходимо, во-первых, потому, что, как сказано выше, всякое новое открытие всегда складывается из элементов уже существующих культурных ценностей, – согласно принципу *ex nihilo nihil fit*. Кроме того, имея целью удовлетворить известную потребность, всякое новое открытие в то же время вызывает новые потребности или видоизменяет старые, делая необходимым искание новых путей к удовлетворению этих новых потребностей; все это делает совершенно необходимой теснейшую связь новых открытий с уже существующим общим запасом культурных ценностей. Этот общий запас культурных ценностей, иначе говоря, инвентарь культуры, для успешного дальнейшего развития должен передаваться путем традиции, т.е. всякое молодое поколение должно усваивать, путем подражания старшим, культуру, в которой выросло предшествующее поколение и которую это поколение, в свою очередь, получило от своих предшественников. Для каждого поколения полученная таким путем традиции культура является исходной точкой дальнейших открытий, и это обстоятельство является одним из непременных условий непрерывности и органичности развития культуры. Наконец, кроме традиции, самую важную роль в развитии культуры играет наследственность (фактор недооцененный Тардом) [*]. Наследственность дополняет собою традицию, и при помощи ее из поколения в поколение передаются вкусы, предрасположения и темпераменты тех, кто творил культурные ценности в прошлом, что и способствует органичности всего развития культуры. Для процесса распространения открытий (*propagation des inventions*), составляющего другую столь же существенную часть развития культуры, в общем, необходимы те же условия, что и для самого возникновения открытий. Наличие общего запаса культурных ценностей необходима ввиду того, что именно этот запас определяет собою те потребности, которые должно

удовлетворять открытие, а, между тем, открытие может привиться только в том случае, если потребность, вызвавшая его к жизни, имеется налицо, и, при том, именно, в совершенно одинаковом виде, как у изобретателя, так и у общества. Далее, залог успешного распространения открытия заключается большей частью в подготовленности сознания общества к его принятию, а эта подготовленность предполагает, что элементы, из которых сложено открытие, уже живут в сознании общества; между тем, мы знаем, что элементы каждого нового открытия почерпаются из того же общего запаса ценностей: следовательно, этот общий запас, одинаковый у изобретателей и подражателей, составляет необходимое условие распространения открытия. Но наличность этого одинакового запаса культурных ценностей, сама до себе, еще для этого не достаточна. Важно, чтобы все эти ценности и их элементы в сознании общества и в сознании изобретателя были расположены приблизительно одинаково, чтобы их взаимоотношения в том и другом сознании были те же самые. А это достижимо лишь при условии одной традиции. Наконец, для того, чтобы данное открытие было принято всеми или большинством, необходимо, чтобы вкусы, предрасположения и темперамент его создателя не противоречили психическому укладу данного общества, – а для этого нужна единая наследственность.

После этих предварительных рассуждений из области общей социологии мы можем приступить и к разрешению интересующего нас вопроса о возможности для целого народа полного приобщения к чужой культуре. Перед нами два народа, скажем А и В, каждый имеет свою культуру (ибо без культуры в вышеопределенном смысле никакой народ немислим), причем эти две культуры различны. Теперь предположим, что народ А заимствует культуру народа В. Спрашивается: может ли в дальнейшем эта культура на почве А развиваться в том же направлении, в том же духе и в том же темпе, как на почве В? Мы знаем, что для этого нужно, чтобы, после заимствования, А получило одинаковый с В общий запас культурных ценностей, одинаковую традицию и одинаковую наследственность. Однако, ни то, ни другое, ни третье невозможно. Даже если народ А сразу заимствует у В весь инвентарь культуры В, общие запасы культурных ценностей у обоих народов все-таки не будут одинаковы, ибо у А к запасу В будет присоединяться, особенно первое время, инвентарь прежней культуры А, который у В отсутствует. Этот остаток прежней, национальной культуры в первое время после заимствования всегда будет жив, хотя бы в памяти народа А, как бы старательно эта культура ни искоренялась. Благодаря этому и традиция у народа А окажется совершенно иной, чем у народа В. Наконец, наследственность не может быть заимствована без антропологического смещения А с В, да даже и при таком смещении наследственность у помеси А и В будет иная, чем у одного В. Таким образом, первое время после заимствования, условия жизни культуры народа В на почве народа А будут совершенно отличными от условий жизни ее на родной почве народа В.

Эти первые шаги культуры, перенесенной на новую почву, оказываются роковыми для ее дальнейшего развития. Самым решающим образом должно действовать отсутствие органической традиции. Целый ряд элементов культуры В в самом народе В воспринимаются и усваиваются с детства. В народе А все эти элементы будут усваиваться уже в зрелом возрасте. В народе В естественным проводником традиции является семья. В народе А семья не может первое время передавать подрастающему поколению традицию новой культуры в чистом виде. Эту традицию приходится прививать через школу или через более или менее искусственные коллективы – армию, заводы, фабрики и проч. Но, получая из этих источников традиции новой, заимствованной культуры, молодые поколения в то же время сохраняют и традиции прежней национальной культуры, полученные ими из семьи и подкрепляемые авторитетом семьи даже в более позднее время. Естественно, что эти молодые поколения комбинируют обе традиции и создают в результате некоторую смесь из понятий двух различных культур. Эта смесь создается в каждом индивидуальном

сознании, хотя, конечно, не без влияния подражания окружающим. В общем, смесь получается у каждого своя и все они довольно различны, смотря по условиям личной биографии каждого отдельного субъекта, при чем, конечно, у людей со сходной биографией различия в смеси не так значительны. Как бы то ни было, когда молодые поколения, о которых идет речь, из роли воспринимающих традицию перейдут в роль передающих ее, они передадут следующему за ними поколению не чистую традицию культуры В, а традицию смеси А и В. Следующее поколение, получая из школы и подобных источников более или менее чистую культуру В, а из семьи и из свободного социального общения со старшими вышеупомянутую смесь А и В, само производит новую смесь из этих элементов и, впоследствии, передает традиции этой новой смеси поколению, следующему за ним, и т.д. Таким образом, культура народа А будет всегда смесью культур А и В, причем в каждый данный момент у старшего поколения элемент А будет несколько сильнее, чем у младшего, и семья будет ближе к А, чем другие коллективы. Впрочем, с течением времени отдельные элементы культуры А проникнут и в ту традицию, которая передается молодым поколениям школой, так что эта традиция тоже станет смешанной. В результате, вся культура народа А окажется основанной на смешанной традиции двух культур; значит, полного тождества между народами А и В в культурном отношении все-таки не получится.

Выше мы сказали, что каждое открытие слагается из элементов уже существующих культурных ценностей. Общая сумма возможных в данный момент открытий, следовательно, зависит от общей суммы культурных ценностей, имеющих налицо у данного народа. А т.к. в отношении запаса культурных ценностей между народами А и В, как сказано, никогда не будет полного тождества, то ясно, что и сумма возможных открытий у обоих народов никогда не будет одинакова: иначе говоря, направление развития культуры у народа В, создавшего ее, и у народа А, позаимствовавшего ее, будет различно. К этому надо присоединить еще различия во вкусах, предрасположениях и темпераментах, обусловленные различием в наследственности. Наконец, часто все это осложняется различиями географических условий и (например, в вопросе о costume) антропологических типов.

Таким образом, надо признать, что полное приобщение целого народа к культуре, созданной другим народом, – дело невозможное.

История отнюдь не противоречит этому выводу. Всюду, где имеется подобное полное приобщение к чужой культуре, более пристальное изучение фактов показывает либо, что это приобщение является только кажущимся, либо, что оно стало возможным только благодаря антропологическому смешению народа-создателя культуры с народом-заимствователем. Как на исторические примеры приобщения к чужой культуре указывают на эллинизм и романизацию. Однако, эти примеры мало удачны. В эллинизированных странах, как известно, получалась именно смесь древней греческой культуры с туземными культурами. Элементы греческой культуры, как и греческий язык, служили лишь цементом, объединившим друг с другом все эти смешанные культуры; как известно, элемент иноземной культуры проник тогда и в саму Грецию, так что и сам греческий народ получил смешанную культуру. Таким образом, здесь не было “народа В”, создавшего культуру, и “народа А”, эту культуру позаимствовавшего, а были народы А, В, С и т.д., заимствующие друг у друга отдельные элементы культуры, вступившие между собою в оживленное культурное общение, совершенно взаимное. Что касается до романизации, то в ней надо различать два момента. Романизацию Аппенинского полуострова нельзя рассматривать как приобщение к чужой культуре, ибо культура Рима республиканской эпохи мало отличалась от культуры других городских общин Италии. На всем полуострове господствовала одна культура с незначительными особенностями в отдельных местностях и романизация, собственно, свелась к распространению латинского языка, заменившего собою все остальные наречия Италии, из которых, к тому же, большинство были близко

родственны с наречием Рима. Несколько другой характер имела романизация более отдаленных провинций Римского государства, Галлии, Испании, Британии и проч., в которых национальная культура существенно отличалась от римской. Но тут надо принять во внимание несколько обстоятельств. Во первых, романизация в этих областях происходила с большой постепенностью. Первоначально римляне ограничивались лишь проведением дорог и учреждением военных поселений, состоявших сначала из одних итальянцев, а затем подвербовывавших солдат и из местного населения. Позднее начали вводиться в этих местах римские государственные учреждения и римское право. В религиозном отношении обязательным был лишь культ императора, другие же римские культы не вводились, а приносились в провинцию римскими солдатами, мирно уживаясь с национальными культурами. В области материальной культуры, одежды, жилища, орудий производства, провинциальные “варвары” долгое время сохраняли свою самобытность, сглаживающуюся очень постепенно, благодаря оживленным торговым сношениям с другими провинциями и с Римом. Таким образом, культура романизованных провинций была всегда смешанной. Наконец, и сама якобы римская культура так или иначе насаждавшаяся во всех этих областях во времена Империи, представляла из себя довольно пеструю смесь разнородных элементов самых разнородных культур грекоримского мира. В результате получилось не приобщение разных народов к культуре, созданной одним народом, а эклектизм, синтез нескольких культур. Что местные национальные культуры при этом продолжали существовать и развиваться в народных массах, показывает эпоха конца римского владычества, когда эти народные культуры всплыли на поверхность, освобожденные из под нивелирующего влияния столицы, и дали начало культурам народов средневековья.

Эти примеры показывают, что с приобщением к чужой культуре не надо отождествлять смешение культур. Как общее правило, надо сказать, что при отсутствии антропологического смешения возможно именно лишь смешение культур. Приобщение, наоборот, возможно лишь при антропологическом смешении. Таковы, напр. приобщение манжуров к культуре Китая, гиксов – к культуре Египта, варягов и тюрко-болгар – к культуре славян и т.д., далее – приобщение пруссов, полабов и лужичан (в этом последнем случае пока еще не полное) к культуре немцев.

Таким образом, и на второй из поставленных выше вопросов, – на вопрос: “возможно ли полное приобщение целого народа к культуре, созданной другим народом, без антропологического смешения обоих народов?” – приходится тоже ответить отрицательно.

IV

Третий вопрос гласит: “является ли приобщение к европейской культуре (поскольку такое приобщение возможно) благом или злом?”. Вопрос этот требует более точного ограничения в связи с полученными уже ответами на два первых вопроса. Теперь мы уже знаем, что, во-первых, романогерманская культура объективно ничем не выше и не совершеннее всякой другой культуры, и что, во-вторых, полное приобщение к культуре, созданной другим народом, возможно лишь при условии антропологического смешения с этим народом. Отсюда, как будто, следует, что вопрос наш касается только тех народов, которые антропологически смешались с романогерманцами. Однако, при более внимательном размышлении оказывается, что по отношению к таким народам вопрос наш совершенно бессмыслен. В самом деле: ведь, с момента антропологического смешения, народ, о котором идет речь, перестает быть вполне не-романогерманским. Романогерманская культура для него становится до некоторой степени родной, столь же родной, как и культура того народа, который смешался с романогерманцами. Ему надо выбирать между этими двумя одинаково для него родными культурами. Мы знаем, что романогерманская культура ничем не лучше всякой другой, но, в сущности, она и ничем

не хуже других. Значит, для народа, о котором идет речь, в общем, безразлично, принять ее или нет. Правда, приняв ее, он все же будет отличаться от чистых романогерманцев по своей наследственности. Но и приняв другую культуру, он тоже будет иметь наследственность, не вполне этой культуре соответствующую, т.к. в его жилах течет отчасти и романогерманская кровь. Таким образом, по отношению к народам, антропологически смешавшимся с романогерманцами, вопрос о желательности или нежелательности европеизации теряет всю свою остроту и весь свой смысл. Что касается до всякого другого народа, антропологически не смешавшегося с романогерманцами, то из предыдущего ясно, что такой народ не может вполне европеизироваться, т.е. вполне приобщиться к романогерманской культуре.

Однако, мы знаем и то, что, несмотря на эту невозможность, многие из таких народов все-таки всеми силами стремятся к такому приобщению, стараются европеизироваться. Вот к таким-то народам и относится наш вопрос: мы должны выяснить те последствия, которые вытекают из этого стремления к европеизации, и определить, являются ли эти последствия благодетельными или желательными с точки зрения данного народа.

Выше, доказывая невозможность полного приобщения целого народа к культуре, созданной другим народом, мы попытались, между прочим, в общих чертах обрисовать форму развития культуры у предполагаемого народа А, позаимствовавшего культуру у народа В. Теперь мы должны вместо В подставить романогерманцев, а вместо А – европеизируемый не-романогерманский народ и отметить те специальные особенности, которые явятся следствием такой постановки. Наиболее существенные особенности вносятся тою чертой романогерманцев и их культуры, которую мы охарактеризовали, как эгоцентризм. Романогерманец считает высшим самого себя и все, что тождественно с ним, низшим – все, что отличается от него.

В области культуры он признает ценным лишь то, что составляет элемент его собственной современной культуры или может составлять ее элемент; все остальное в глазах романогерманца не имеет ценности или оценивается по степени близости, сходства с соответствующими элементами его собственной культуры. Европеизированный или стремящийся к европеизации народ заражается этой чертой романогерманской психики, но, не сознавая ее истинной эгоцентрической подкладки, не ставит себя на место европейца, а, наоборот, оценивает все, в том числе и самого себя, свой народ и свою культуру, именно с точки зрения романогерманца. В этом и состоит особенность частного случая европеизации по сравнению с общим случаем заимствования народом А культуры у народа В.

Мы говорили выше, что культура народа А всегда будет представлять из себя некоторую смесь из элементов старой национальной культуры этого народа (обозначим эти элементы через а) и элементов культуры, заимствованной у народа В (обозначим их через b), тогда как сам народ В будет иметь культуру, состоящую лишь из вполне однородных элементов (b). Отсюда вытекает первое положение: культура А (в нашем случае – европеизированного не-романогерманского народа) включает в себе больше культурных ценностей, чем культура В (в нашем случае – романогерманского народа). Но мы знаем, что общая сумма культурных ценностей определяет собой и общую сумму возможных открытий: значит, количество возможных открытий у европеизированного народа больше, чем у романогерманского. На вид такое положение дела, как будто, выгодно для европеизированного народа. Но, на деле, это не так. В самом деле, надо принять во внимание, что число *возможных* открытий далеко не равно числу открытий, действительно осуществляемых. Большинство открытий обречено на гибель во взаимной борьбе между собой или старыми культурными ценностями, с которыми они вступают в противоречие, причем эта взаимная борьба за общее признание (*duel logique*, по терминологии Тарда) будет тем ожесточеннее и длительнее, чем больше общее число возможных открытий. Таким образом, оказывается, что культурная работа

европеизированного народа поставлена в гораздо менее выгодные условия, чем работа природного романогерманца. Первому приходится искать в разных направлениях, тратить свои силы над согласованием элементов двух разнородных культур, над согласованием, сводящимся большей частью к мертворожденным попыткам; ему приходится выискивать подходящие друг к другу элементы из груды ценностей двух культур, – тогда как природный романогерманец идет верными путями, проторенной дорожкой, не разбрасываясь и сосредотачивая свои силы лишь на согласовании элементов одной и той же культуры, элементов вполне однородных, окрашенных в один общий тон родного ему национального характера.

Ко всему этому присоединяются логические последствия той особенности частного случая европеизации, по сравнению с общим случаем культурного заимствования, о которой мы говорили выше. Так как культура европеизированного народа состоит из ценностей a (чисто национальных) и b (заимствованных у романогерманцев), а всякое открытие складывается из элементов уже существующих ценностей, то открытия, производимые европеизированным народом, теоретически будут принадлежать к одному из трех типов: $a+a$, $a+b$, $b+b$. С точки зрения романогерманцев, открытия типа $a+a$, как не заключающие в себе никаких элементов романогерманской культуры, совершенно лишены цены. Из открытий типа $a+b$ значительная часть должна представиться романогерманцу, как порча европейской культуры, ибо такие открытия, наряду с b , включают в себе и элемент a , отдаляющий их от соответствующего элемента современной романогерманской культуры. Наконец, из открытий типа $b+b$ вполне приемлемыми для романогерманцев являются лишь те, которые носят на себе отпечаток вкусов, предрасположений и темпераментов, свойственных романогерманской наследственности; а т.к. европеизированный народ имеет наследственность иную, то ясно, что значительная часть сделанных им открытий типа $b+b$ не будут отвечать этому требованию и окажутся неприемлемыми для романогерманцев. Таким образом, мало того, что культурная работа европеизированного народа, по сравнению с работой романогерманского народа, в высшей степени тяжела и обставлена затруднениями, она к тому же еще и неблагоприятна. Добрая половина ее, с точки зрения настоящего европейца, должна быть признана непроизводительной, нецелесообразной. А т.к. европеизированный народ заимствует у романогерманцев и их оценку культуры, то ему и самому приходится отказываться от тех из своих открытий, которые не могут получить признания в Европе, и работа его в значительной своей части, действительно, становится Сизифовым трудом.

Нетрудно понять, к каким последствиям все это неминуемо приводит. Вследствие всех вышеописанных причин европеизированный народ в каждый данный промежуток времени успевает создать лишь самое незначительное количество таких культурных ценностей, которые могут быть приняты другими народами европейской культуры. Природные же романогерманцы в тот же промежуток времени создадут таких ценностей очень много, и так как все они, войдя в общий запас романогерманской культуры, тем самым приобретут неоспоримый авторитет, то и тому европеизированному народу, о котором идет речь, придется принять их. Таким образом, этот народ всегда будет больше получать извне, чем отдавать на сторону, его культурный импорт будет всегда превышать культурный экспорт, – и уже одно это ставит его в зависимое положение по отношению к природным романогерманцам.

Нельзя не отметить, к тому же, что перевес импорта над экспортом и отличие психической наследственности европеизированного народа от романогерманской, создают для этого народа чрезвычайно тяжелые условия усвоения и распространения новых открытий. Природные романогерманцы усваивают, в общем, только те открытия, которые носят на себе отпечаток общероманогерманской национальной психологии, передаваемой путем наследственности и традиции: все, что противоречит этой

психологии, они могут просто-напросто откинуть, заклеив это эпитетом “варварства”. Европеизированный народ находится в ином положении: он должен руководствоваться не своей собственной, а чужой, романогерманской национальной психологией, и должен, не сморгнув, принимать все то, что создают и считают ценным исконные романогерманцы, хотя бы это противоречило его национальной психологии, плохо укладывалось бы в его сознании. Это, конечно, затрудняет процесс усвоения и распространения импортируемых открытий, а, между тем, такие открытия, как мы знаем, у europeизированного народа всегда превышают число своих собственных, доморощенных. Нечего и говорить, что такие постоянные затруднения в области усвоения открытий должны чрезвычайно вредно отражаться на экономии национальных сил europeизированного народа, которому и без того приходится затрачивать много труда на непроеизводительную работу по согласованию двух разнородных культур (“открытия типа $a+b$ ”) и развитию остатков собственной национальной культуры (“открытия типа $a+a$ ”).

Всеми этими тормозами в культурной работе еще далеко не исчерпывается невыгодность положения europeизированного народа. Одним из самых тяжелых последствий europeизации является уничтожение национального единства, расчленение национального тела europeизированного народа. Выше мы видели, что при заимствовании чужой культуры каждое поколение вырабатывает свою смесь, свой канон синтеза элементов национальной и иноземной культуры. Таким образом, в народе, заимствовавшем чужую культуру, каждое поколение живет своей особой культурой, и различие между “отцами и детьми” здесь будет всегда сильнее, чем у народа с однородной национальной культурой. Но и помимо этого, лишь очень редко случается, чтобы целый народ сразу подвергся europeизации, чтобы все части народа в одинаковой мере восприняли романогерманскую культуру. Это может случиться лишь в том случае, если народ, о котором идет речь, очень немногочислен и слабо дифференцирован. Большею частью europeизация идет сверху вниз, т.е. охватывает сначала социальные верхи, аристократию, городское население, известные профессии, и затем уже постепенно распространяется и на остальные части народа. Процесс этого распространения протекает, конечно, довольно медленно, и в течение его успевают сменить друг друга целый ряд поколений. Говоря о традиции, мы указывали на то, что для усвоения чужой культуры необходима работа нескольких поколений, ибо в том синтезе, который проделывает для себя каждое поколение, элемент заимствованной культуры будет тем сильнее преобладать над элементами старой национальной культуры, чем больше предшествующих поколений потрудились над примирением этих двух разнородных культур. Вполне понятно, поэтому, что в каждый момент те части europeизированного народа, которые раньше других стали подвергаться europeизации, имеют культурный облик более близкий к романогерманскому. Таким образом, в каждый данный момент разные части europeизированного народа, классы, сословия, профессии, представляют из себя разные стадии усвоения романогерманской культуры, разные типы комбинаций, в различных пропорциях, элементов национальной и иноземной культуры. Все эти классы являются не частями одного национального целого, а обособленными культурными единицами, как бы отдельными народами со своими культурами и традициями, со своими привычками, понятиями и языками. Социальные, имущественные и профессиональные различия в среде europeизированного народа гораздо сильнее, чем в среде природных романогерманцев, именно потому, что ко всем этим различиям присоединяются различия этнографические, различия культур.

Отрицательные последствия этого явления сказываются в жизни europeизированного народа на каждом шагу. Расчленение нации вызывает обострение классовой борьбы, затрудняет переход из одного класса общества в другой. Эта же разобщенность частей europeизированного народа еще больше тормозит

распространение всяких новшеств и открытий, и препятствует сотрудничеству всех частей народа в культурной работе. Словом, создаются такие условия, которые неизбежно ослабляют европеизированный народ и ставят его в крайне невыгодное положение, по сравнению с природными романогерманцами. Итак, социальная жизнь и развитие культуры европеизированного народа обставлены такими затруднениями, которые совершенно не знакомы природным романогерманцам. Вследствие этого, этот народ оказывается мало продуктивным: он творит мало и медленно, с большим трудом. В усвоении открытий, в процессе распространения он проявляет ту же медлительность. Поэтому, такой народ, с европейской точки зрения, всегда может рассматриваться, как “отсталый”. А т.к. культура его, всегда являясь смесью романогерманской с туземной, всегда отличается от чистой романогерманской культуры данной эпохи, то настоящие европейцы всегда будут считать его стоящим ниже природных романогерманцев. Но и сам он принужден смотреть на себя совершенно так же. Приняв европейскую культуру, он вместе с ней воспринимает и европейские мерилы оценки культуры. Он не может не замечать своей малой культурной продуктивности, того, что его культурный экспорт развит очень слабо, что распространение новшеств у него идет очень медленно и с затруднениями, что значительная часть его национального тела очень мало или вовсе не причастна к той романогерманской культуре, которую он считает “высшей”. Сравнивая самого себя с природными романогерманцами, европеизированный народ приходит к сознанию их превосходства над собою, и это сознание вместе с постоянным сетованием о своей косности и отсталости постепенно приводит к тому, что народ перестает уважать самого себя. Изучая свою историю, этот народ оценивает ее тоже с точки зрения природного европейца: в этой истории все, что противоречит европейской культуре, представляется злом, показателем косности и отсталости; наивысшим моментом этой истории признается тот, в который совершился решительный поворот к Европе; в дальнейшем же ходе истории все, что бралось из Европы, считается прогрессом, а всякое отклонение от европейских норм – реакцией. Постепенно народ приучается презирать все свое, самобытное, национальное. Если же прибавить ко всему этому вышеупомянутое расчленение национального тела, ослабление социальных связей между отдельными частями этого тела вследствие отсутствия у них единой культуры, общего культурного языка, – то станет понятным, что патриотизм у европеизированного народа всегда развит чрезвычайно слабо. Патриотизм и национальная гордость в таком народе – удел лишь отдельных единиц, а национальное самоутверждение большею частью сводится к амбициям правителей и руководящих политических кругов.

Это отсутствие веры в себя, конечно, опять-таки является большим минусом в борьбе за существование. В частной жизни постоянно приходится наблюдать, как натуры не самоуверенные, мало ценящие самих себя и привыкшие к самоунижению, проявляют в своем поведении нерешительность, недостаточную настойчивость, и позволяют другим “наступать себе на ноги” и, в конце концов, подпадают под полную власть более решительных и самоуверенных, хотя зачастую и гораздо менее одаренных личностей. Совершенно таким же образом и в жизни народов нации малопатриотические, с неразвитым чувством национальной гордости, всегда пасуют перед народами, обладающими сильным патриотизмом или национальным самомнением. А потому европеизированные народы, согласно всему вышесказанному, большей частью занимают, по отношению к исконным романогерманцам, зависимое, подчиненное положение.

Все эти отрицательные последствия зависят от самого факта европеизации: степень европеизации при этом не играет роли. Мы знаем, что с каждым поколением элементы старой “туземной” культуры отступают все более на задний план, так что с течением времени народ, стремящийся к европеизации, должен, в конце концов, европеизироваться вполне, т.е. получить культуру, состоящую исключительно из

элементов романогерманского происхождения. Этот процесс чрезвычайно длителен, тем более, что он протекает очень неравномерно в разных частях, разных социальных группах европеизированного народа. Но даже когда этот процесс вполне завершится, у европеизированного народа все же всегда останутся неискорененные предрасположения национальной психики, передаваемые путем наследственности, и эти предрасположения, отличные от элементов врожденной психики романогерманцев, все-таки будут, с одной стороны, мешать плодотворной творческой работе данного народа, а с другой – препятствовать успешному и быстрому усвоению им новых культурных ценностей, созданных природными романогерманцами. Таким образом, даже при достижении максимальной степени европеизации этот народ, и без того уже задержавшийся в своем развитии, благодаря длительному и трудному процессу постепенной культурной нивелировки всех своих частей и искоренению остатков национальной культуры, – окажется все-таки не в равных условиях с романогерманцами и будет продолжать “отставать”. Тот факт, что с момента начала своей европеизации этот народ роковым образом вступает в полосу обязательного культурного обмена и общения с романогерманцами, делает его “отсталость” роковым законом.

Но с этим “законом” мириться нельзя. Народы, не противодействующие своей “отсталости”, очень быстро становятся жертвою какого-нибудь соседнего или отдаленного романогерманского народа, который лишает этого отставшего члена “семьи цивилизованных народов” сначала экономической, а потом и политической независимости, принимается беззащитно эксплуатировать его, вытягивая из него все соки и превратив его в “этнографический материал”. Но того, кто пожелает бороться с законом вечного отставания, ждет не менее печальная участь. Для того, чтобы оградить себя от иноземной опасности, “отстающему” европеизированному народу приходится держать на одном уровне с романогерманцами, по крайней мере, свою военную и промышленную технику. Но так как творить в этой области с такою же быстротой, как природные романогерманцы, европеизированный народ, в силу указанных выше причин, не в состоянии, то ему приходится ограничиваться, главным образом, заимствованием и подражанием чужим открытиям. Отсталость его, тем не менее, конечно, остается в силе даже в области техники. Но в этой области, несмотря на известное хроническое запаздывание, уровень сохраняется все же более или менее одинаковый и отличие от романогерманцев состоит скорее в меньшей интенсивности промышленной жизни. В других областях жизни потребность сравняться с уровнем романогерманцев чувствуется обыкновенно менее сильно и постоянно. Только время от времени различие уровней, отсталость в этих областях начинает ощущаться очень остро, но именно в этой спорадичности таких ощущений отсталости и заключается их главное зло. Устранять последствия этих спорадических ощущений отсталости можно лишь столь же спорадическими историческими прыжками. Не имея возможности идти нога в ногу с романогерманцами и постепенно отставая от них, европеизированный народ время от времени пытается нагнать их, делая более или менее далекие прыжки. Эти прыжки нарушают весь ход исторического развития. В короткое время народу нужно пройти тот путь, который романогерманцы прошли постепенно и в течение более долгого промежутка времени. Ему приходится перескакивать через целый ряд исторических ступеней и создавать сразу, *ex abrupto*, то, что у романогерманцев явилось следствием ряда исторически последовательных изменений. Последствия такой скачущей “эволюции” поистине ужасны. За каждым скачком неминуемо следует период кажущегося (с европейской точки зрения) застоя, в течение которого надо привести в порядок культуру, согласовать результаты, достигнутые путем этого скачка в определенной сфере жизни, с остальными элементами культуры. А за время этого “застоя” народ, понятно, опять и еще больше отстает. История европеизированных народов и состоит из этой постоянной смены коротких периодов быстрого “прогресса” и более или менее длительных передов “застоя”. Исторические прыжки, нарушая

единство и непрерывную постепенность исторического развития, разрушают и традицию, и без того уже слабо развитую у европеизированного народа. А между тем, непрерывная традиция есть одно из неизменных условий нормальной эволюции. Совершенно ясно, что прыжки и скачки, давая временную иллюзию достижения “общевропейского уровня цивилизации”, в силу всех указанных выше причин не могут вести народ вперед в истинном смысле этого слова. Скачущая эволюция еще больше растрчивает национальные силы, уже и без того перегруженные работой в силу самого факта европеизации. Как человек, пытающийся идти нога в ногу с более быстроходным спутником и прибегающий с этой целью к приему периодических прыжков, в конце концов неизбежно выбьется из сил и упадет в изнеможении, так точно и европеизированный народ, вступивший на такой путь эволюции, неизбежно погибнет, бесцельно растратив свои национальные силы. И все это – без веры в себя, даже без подкрепляющего чувства национального единства, давно разрушенного самым фактом европеизации.

Итак, последствия европеизации настолько тяжелы и ужасны, что европеизацию приходится считать не благом, а злом. Заметим при этом, что мы преднамеренно не касались некоторых отрицательных сторон европеизации, которые часто признаются с сожалением самими европейцами: пороки и привычки, вредные для здоровья, особые болезни, приносимые европейскими “культуртрегерами”, милитаризм, лишенная эстетики беспокойная промышленная жизнь. Все эти “спутники цивилизации”, на которые сетуют сентиментальные европейские филантропы и эстеты, не являются неотъемлемыми принадлежностями романогерманской культуры. Пороки и вредные привычки имеются у всякой культуры и часто заимствуются одним народом у другого, независимо от приобщения ко всей культуре в целом. В частности, многие из таких привычек были заимствованы самими европейцами у таких племен, которые они считают низшими и мало культурными, напр. курение табака перенято европейцами от северо-американских “дикарей”. Что же касается до милитаризма и капитализма, то европейцы всегда обещаются исправиться от этих недостатков, признавая их лишь историческими эпизодами. Таким образом, все эти отрицательные стороны европейской цивилизации можно считать спорными, почему мы и не сочли возможным говорить о них. Мы говорили лишь о тех последствиях, которые вытекают из самой сущности европеизации и касаются самой сущности социальной жизни и культуры европеизированного народа.

В результате, на все три вопроса, поставленных выше, нам пришлось ответить отрицательно.

V

Но, если европейская цивилизация ничем не выше всякой другой, если полное приобщение к чужой культуре невозможно, и если стремление к полной европеизации сулит всем не-романогерманским народам самую жалкую и трагическую участь, – то очевидно, что с европеизацией этим народам надо бороться из всех сил. И вот, тут-то и возникает ужасный вопрос: что если эта борьба невозможна и если всеобщая европеизация есть неизбежный мировой закон?

С виду многое говорит за то, что это действительно так. Когда европейцы встречаются с каким-нибудь не-романогерманским народом, они подвозят к нему свои товары и пушки. Если народ не окажет им сопротивления, европейцы завоюют его, сделают своей колонией и европеизируют его насильственно. Если же народ задумает сопротивляться, то для того, чтобы быть в состоянии бороться с европейцами, он принужден обзавестись пушками и всеми усовершенствованиями европейской техники. Но для этого нужны, с одной стороны, фабрики и заводы, а с другой – изучение

нибудь не-романогерманским народом, они подвозят к нему свои товары и пушки. Если народ не окажет им сопротивления, европейцы завоюют его, сделают своей колонией и европеизируют его насильственно. Если же народ задумает сопротивляться, то для того, чтобы быть в состоянии бороться с европейцами, он принужден обзавестись пушками и всеми усовершенствованиями европейской техники. Но для этого нужны, с одной стороны, фабрики и заводы, а с другой – изучение европейских прикладных наук. Но фабрики немислимы без социально-политического уклада жизни Европы, а прикладные науки – без наук “чистых”. Таким образом, для борьбы с Европой народу, о котором идет речь, приходится шаг за шагом усвоить всю современную ему романогерманскую цивилизацию и европеизироваться добровольно. Значит, и в том и в другом случае европеизация, как будто, неизбежна.

Все только что сказанное может породить впечатление, будто бы европеизация является неизбежным последствием наличности у европейцев военной техники и фабричного производства товаров. Но военная техника есть следствие милитаризма, фабричное производство – следствие капитализма. Милитаризм же и капитализм не вечны. Они возникли исторически и, как предсказывают европейские социалисты, скоро должны погибнуть, уступив место новому социалистическому строю. Выходит, что противники всеобщей европеизации должны мечтать об установлении в европейских странах социалистического строя. Однако, это не более, как парадокс. Социалисты более всех европейцев настаивают на интернационале, на воинствующем космополитизме, истинная сущность которого уже раскрыта нами в начале этой работы. И это не случайно. Социализм возможен только при всеобщей европеизации, при нивелировке всех национальностей земного шара и подчинении их всех единообразной культуре и одному общему укладу жизни. Если бы социалистический строй утвердился в Европе, европейским социалистическим государствам пришлось бы прежде всего огнем и мечем водворить тот же строй во всем мире, а после этого зорко следить за тем, чтобы ни один народ не изменил этому строю. Иначе, т.е. в том случае, если бы где-либо сохранился уголок земного шара, незатронутый социализмом, этот “уголок” сразу сделался бы новым рассадником капитализма. Но для того, чтобы быть на страже социалистического строя, европейцам пришлось бы поддерживать свою военную технику на прежней высоте и оставаться вооруженными до зубов. А т.к. такое вооруженное состояние части “человечества” всегда грозит независимости других частей того же человечества, которые, несмотря на все заверения, все-таки будут чувствовать себя неуютно по соседству с вооруженными людьми, то в результате состояние вооруженного мира распространится, конечно, на все народы земного шара. Далее, в виду того, что все романогерманские народы давно уже привыкли пользоваться для своей материальной культуры и для удовлетворения своих насущных потребностей предметами и продуктами, производимыми вне территории Европы, то международная, и особенно “колониальная”, торговля непременно сохранятся и при социалистическом строе, при чем эта торговля, конечно, будет носить особый характер в связи с особенностями социалистического хозяйства вообще. Главным предметом вывоза из романогерманских стран по-прежнему останутся товары фабричного производства. Таким образом, оба стимула европеизации, существующие в настоящее время, военная техника и фабричное производство, сохранятся и при социалистическом строе. К ним только еще присоединятся новые стимулы в виде требования единого социалистического уклада жизни во всех странах, требования неизбежного, ибо социалистическое государство может торговать лишь с социалистическими же государствами.

Что касается до тех отрицательных последствий европеизации, о которых мы говорили выше, то они сохранятся при социалистическом строе совершенно так же, как при строе капиталистическом. Мало того, все эти последствия при социалистическом строе даже усугубятся, ибо требование единообразия в социально-политической жизни

всех народов, без которого немислим социализм, еще более заставит европеизированные народы “тянуться” за природными романогерманцами. Только одно из перечисленных нами выше отрицательных последствий европеизации, именно, культурное расчленение национального тела европеизированного народа при социалистическом строе, как будто, должно перестать существовать, за отсутствием в социалистическом обществе деления на классы и сословия. Однако, это отсутствие сословий и классов, конечно, останется всегда теоретическим. На самом деле, принцип разделения труда неминуемо приведет к социальной группировке по профессиям. И эта группировка у народов европеизированных будет всегда более резкой, чем у природных романогерманцев в силу причин, указанных выше. Заметим, кстати, что необходимость сохранять при социалистическом строе во всех народах один общий уровень “цивилизации”, заставит романогерманцев “подстегивать” и “подгонять” “отсталые” народы. А т.к. “национальные предрассудки” к тому времени должны будут исчезнуть, подчинившись торжествующему космополитизму, то очевидно, что во всех европеизированных государствах при социалистическом строе на первых ролях, в качестве инструкторов и, отчасти, правителей, будут сидеть представители чистых романогерманских народов или народов, полнее приобщившихся к романогерманской культуре. В конце концов, в “семье социалистических народов” романогерманцы будут сохранять привилегированное положение аристократов, а прочие “отсталые народы” постепенно попадут в положение их рабов.

Итак, характер социально-политического строя романогерманских государств не играет никакой роли в вопросе о неизбежности европеизации и ее отрицательных последствий. Неизбежность эта остается, независимо от того, будет ли строй романогерманских государств капиталистическим или социалистическим. Она зависит не от милитаризма и капитализма, а от ненасытной алчности, заложенной в самой природе международных хищников – романогерманцев, и от эгоцентризма, проникающего всю их пресловутую “цивилизацию”.

VI

Как же бороться с этим кошмаром неизбежности всеобщей европеизации? На первый взгляд кажется, что борьба возможна лишь при помощи всенародного восстания против романогерманцев. Если бы человечество, – не то человечество, о котором любят говорить романогерманцы, а настоящее человечество, состоящее в своем большинстве из славян, китайцев, индусов, арабов, негров и других племен, которые все, без различия цвета кожи, стонут под тяжелым гнетом романогерманцев и растрачивают свои национальные силы на добывание сырья, потребного для европейских фабрик, – если бы все это человечество объединилось в общей борьбе с угнетателями-романогерманцами, то, надо думать, ему рано или поздно удалось бы свергнуть ненавистное иго и стереть с лица земли этих хищников и всю их культуру. Но как организовать такое восстание, не есть ли это несбыточная мечта? Чем внимательнее мы будем всматриваться в этот план, тем яснее станет для нас, – что он невыполним, и что, если это есть единственный способ борьбы с всеобщей европеизацией, борьба эта просто невозможна.

Дело, однако, не так безнадежно. Мы сказали выше, что одним из главных условий, делающих всеобщую европеизацию неизбежной, является эгоцентризм, проникающий собою всю культуру романогерманцев. Надеяться на то, что романогерманцы сами исправят этот роковой недостаток своей культуры, конечно, невозможно. Но европеизированные не-романогерманские народы при восприятии европейской культуры вполне могут очищать ее от эгоцентризма. Если это удастся им, то заимствование отдельных элементов романогерманской культуры не будет уже иметь тех отрицательных последствий, о которых мы говорили выше, и только обогатит

национальную культуру названных народов. В самом деле, если народы, о которых идет речь, сталкиваясь с европейской культурой, будут свободны от предрассудков, заставляющих видеть во всех элементах этой культуры нечто абсолютно высшее и совершенное, то им незачем будет заимствовать непременно всю эту культуру, нечего будет стремиться искоренять свою туземную культуру в угоду европейской; наконец, не от чего будет смотреть на самих себя, как на отсталых, остановившихся в своем развитии представителей человеческого рода. Смотри на романогерманскую культуру лишь как на одну из возможных культур, они возьмут из нее только те элементы, которые им понятны и удобны, и в дальнейшем будут свободно изменять эти элементы, применительно к своим национальным вкусам и потребностям, совершенно не считаясь с тем, как оценят эти изменения романогерманцы со своей эгоцентрической точки зрения.

Что такой оборот дела, по существу, вполне мыслим и возможен, – не может быть сомнения. Против возможности его нечего ссылаться на исторические примеры. Действительно, история учит нас, что на такой трезвой точке зрения, по отношению к романогерманской культуре, ни один европеизированный народ до сих пор не мог удержаться. Многие народы, заимствуя европейскую культуру, первоначально собирались взять из нее лишь самое необходимое. Но в дальнейшем ходе своего развития все они постепенно поддавались гипнотизму романогерманского эгоцентризма и, забывши свои первоначальные намерения, стали заимствовать все без разбора, поставив себе идеалом полное приобщение к европейской цивилизации. Петр Великий в начале своей деятельности хотел заимствовать у “немцев” лишь их военную и мореплавательную технику, но постепенно сам увлекся процессом заимствования и перенял многое лишнее, не имеющее прямого отношения к основной цели. Все же он не переставал сознавать, что рано или поздно Россия, взяв из Европы все, что ей нужно, должна повернуться к Европе спиной и продолжать развивать свою культуру свободно, без постоянного “равнения на запад”. Но он умер, не подготовив себе достойных преемников. Весь восемнадцатый век прошел для России в недостойном поверхностном обезьянничании с Европы. К концу этого века умы верхов русского общества уже пропитались романогерманскими предрассудками, и весь девятнадцатый и начало двадцатого века прошли в стремлении к полной европеизации всех сторон русской жизни, причем Россия усвоила именно те приемы “скачущей эволюции”, о которых мы говорили выше. На наших глазах та же история готова повториться в Японии, которая первоначально хотела заимствовать у романогерманцев лишь военную и флотскую технику, но постепенно в своем подражательном стремлении пошла гораздо дальше, так что в настоящее время значительная часть “образованного” общества и там усвоила методы романогерманского мышления; правда, европеизация в Японии до сих пор еще умерялась здоровым инстинктом национальной гордости и приверженностью к историческим традициям, – но, кто знает, долго ли удержатся японцы на этой позиции.

И все же, даже если признать, что предлагаемое нами решение вопроса до сих пор не имело исторических прецедентов, из этого еще не следует, чтобы самое решение было невозможно. Все дело заключается в том, что до сих пор истинная природа европейского космополитизма и других европейских теорий, основанных на эгоцентрических предрассудках, осталась не раскрытой. Не сознавая всей неосновательности эгоцентрической психологии романогерманцев, интеллигенция европеизированных народов, т.е. та часть этих народов, которая наиболее полно воспринимает духовную культуру романогерманцев, до сих пор не умела бороться с последствиями этой стороны европейской культуры и доверчиво шла за романогерманскими идеологами, не чувствуя подводных камней на своем пути. Вся картина должна коренным образом измениться, лишь только эта интеллигенция начнет сознательно относиться к делу и подходить к европейской цивилизации с объективной критикой.

Таким образом, весь центр тяжести должен быть перенесен в область психологии интеллигенции европеизированных народов. Эта психология должна быть коренным образом преобразована. Интеллигенция европеизированных народов должна сорвать со своих глаз повязку, наложенную на них романогерманцами, освободиться от наваждения романогерманской психологии. Она должна понять вполне ясно, твердо и бесповоротно:

что ее до сих пор обманывали;

что европейская культура не есть нечто абсолютное, не есть культура всего человечества, а лишь создание ограниченной и определенной этнической или этнографической группы народов, имевших общую историю;

что только для этой определенной группы народов, создавших ее, европейская культура обязательна;

что она ничем не совершеннее, не “выше” всякой другой культуры, созданной иной этнографической группой, ибо “высших” и “низших” культур и народов вообще нет, а есть лишь культуры и народы более или менее похожие друг на друга;

что, поэтому, усвоение романогерманской культуры народом, не участвовавшим в ее создании, не является безусловным благом и не имеет никакой безусловной моральной силы;

что полное, органическое усвоение романогерманской культуры (как и всякой чужой культуры вообще), усвоение, дающее возможность и дальше творить в духе той же культуры нога в ногу с народами, создавшими ее, – возможно лишь при антропологическом смешении с романогерманцами, даже лишь при антропологическом поглощении данного народа романогерманцами;

что без такого антропологического смешения возможен лишь суррогат полного усвоения культуры, при котором усваивается лишь “статика” культуры, но не ее “динамика”, т.е. народ, усвоив современное состояние европейской культуры, оказывается неспособным к дальнейшему развитию ее и каждое новое изменение элементов этой культуры должен вновь заимствовать у романогерманцев;

что при таких условиях этому народу приходится совершенно отказаться от самостоятельного культурного творчества, жить отраженным светом Европы, обратиться в обезьяну, непрерывно подражающую романогерманцам;

что вследствие этого данный народ всегда будет “отставать” от романогерманцев, т.е. усваивать и воспроизводить различные этапы их культурного развития всегда с известным запозданием и окажется, по отношению к природным европейцам, в невыгодном, подчиненном положении, в материальной и духовной зависимости от них;

что, таким образом, европеизация является *безусловным злом* для всякого не-романогерманского народа;

что с этим злом можно, а следовательно, и надо бороться всеми силами. Все это надо сознать не внешним образом, а внутренне; не только сознать, но прочувствовать, пережить, выстрадать. Надо, чтобы истина предстала во всей своей наготе, без всяких прикрас, без остатков того великого обмана, от которого ее предстоит очистить. Надо, чтобы ясной и очевидной сделалась невозможность каких бы то ни было компромиссов: борьба, так борьба.

Все это предполагает, как мы сказали выше, полный переворот, революцию в психологии интеллигенции нероманогерманских народов. Главную сущность этого

переворота является сознание относительности того, что прежде казалось безусловным: благ европейской “цивилизации”. Это должно быть проведено с безжалостным радикализмом. Сделать это трудно, в высшей степени трудно, но вместе с тем и *безусловно необходимо*.

Переворот в сознании интеллигенции не-романогерманских народов неизбежно окажется, роковым для дела всеобщей европеизации. Ведь до сих пор именно эта интеллигенция и была проводником европеизации, именно она, уверовавши в космополитизм и “блага цивилизации” и сожалея об “отсталости” и “косности” своего народа, старалась приобщить этот народ к европейской культуре, насильственно разрушая все веками сложившиеся устои его собственной, самобытной культуры. Интеллигенты европеизированных народов шли и дальше в этом направлении и занимались привлечением к европейской культуре не только своего народа, но и его соседей. Таким образом, они были главными агентами романогерманцев. Если теперь они поймут и глубоко осознают, что европеизация есть безусловное зло, а космополитизм – наглый обман, то они перестанут помогать романогерманцам и триумфальное шествие “цивилизации” должно будет прекратиться: одни романогерманцы без поддержки уже европеизированных народов будут не в состоянии продолжать дело духовного порабощения всех народов мира. Ведь, сознавши свою ошибку, интеллигенты уже европеизированных народов не только перестанут помогать романогерманцам, но и постараются помешать им, раскрывая глаза и другим народам на истинную сущность “благ цивилизации”.

В этой великой и трудной работе по освобождению народов мира от гипноза “благ цивилизации” и духовного рабства интеллигенция всех не-романогерманских народов, уже вступивших, или намеревающихся вступить на путь европеизации, должна действовать дружно и заодно. Ни на миг не надо упускать из виду самую суть проблемы. Не надо отвлекаться в сторону частным национализмом или такими частными решениями, как панславизм и всякие другие “панизмы”. Эти частности только затемняют суть дела. Надо всегда и твердо помнить, что противопоставление славян германцам или туранцев арийцам не дают истинного решения проблемы, и что истинное противопоставление есть только одно: романогерманцы – и все другие народы мира, *Европа и Человечество*.